

**ЛАРИСА
СОБОЛЕВА**

**ПИКОВАЯ ДАМА
И БЛАГОРОДНЫЙ
КОРОЛЬ**

ДЕТЕКТИВ ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

ТАМ, ГДЕ
НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ...

Лариса Соболева
Пиковая дама и
благородный король
Серия «Детектив по новым
правилам (АСТ)», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34343366

Пиковая дама и благородный король:

ISBN 978-5-17-104238-7

Аннотация

Сестры Вероника и Зинаида не общались пять лет! И вот встретились... в морге. Зинка-оторва, хитренькая, умная и безбашенная. Больше всего на свете ей хотелось денег. И она добилась своего, заплатив за это жизнью...

Веронику ждала поездка на Мальту, любимый жених и семейное счастье. А теперь она главная подозреваемая в убийстве сестры. Ведь это ей досталось имущество покойной, за которым охотятся... все!

Старик Беляев передал Зине в собственность огромный лесной массив. Та перед смертью спрятала купчую. Теперь эти бумаги ищут несколько человек: убийца старика, следователь и... фактический владелец леса, чьим доверенным лицом являлась Зина.

Линии жизни разных людей иногда закручиваются в одну спираль. И не важно, как они относятся друг к другу. Опасные виражи им суждено преодолеть вместе...

Содержание

1	6
2	19
3	33
4	52
5	65
6	80
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Лариса Соболева
Пиковая дама и
благородный король

© Л. Соболева

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

1

Вот это да! Мало того, что Вероника была не одета, она, открыв ему дверь, ускакала в квартиру! Ни тебе здрасте, ни улыбки, ни хотя бы междометия, означающих, что тебя увидели, – нет! Открыла и – бежать, будто в квартире пожар или вода течет из всех кранов.

Сказать, что он озадачился – это ничего не сказать, но Стас переступил порог, оценил беспорядок в полутемной прихожей и прошел в комнату, где Вероника носилась, как гончая. Взору предстал реальный погром: вещи разбросаны... их не было разве что на потолке. При дневном свете Стас рассмотрел, что и Вероника напоминает беженку из горячей точки – волосы растрепаны, а они и так торчат во все стороны, потому что выются, как после «химии», халат застегнут на одну пуговицу, босая, на лице ни грамма косметики.

– Ты не готова?! – позволил себе возмутиться он. – У нас не осталось и получаса, а ехать тридцать пять минут, если повезет не попасть в пробку.

– Визит к твоим родителям отменяется, – огорошила его Вероника, перебирая одежду.

Даже не извинилась, что не стояла при полном параде у проезжей части дороги, как договорились, из-за чего он про-

ждал ее пятнадцать минут, потом вынужден был заехать во двор и подняться на пятый этаж. Его логика: не успеваешь, опаздываешь, а телефон для чего у тебя?

– То есть? – на взводе спросил Стас, он терпеть не мог изменений в планах. – В чем дело?

– Я сегодня улетаю, что-то случилось с моей сестрой. Звонила в аэропорт, самолет через три часа, а мне нужно много успеть.

– У тебя сестра есть? Ты никогда о ней не говорила, почему?

– Теперь ты знаешь о ней. Утром на мой мобильник позвонил следователь, интересовался, знакома ли я с Зинаидой Валентиновной Долгих, я ответила, что это моя старшая сестра. Он попросил меня срочно явиться в прокуратуру, но я ведь живу в другом городе, далеко, следователь потребовал немедленно приехать. На мои вопросы, что случилось, он ответил, что для меня будет лучше все узнать по приезду. Вот я и собираюсь.

Причина, бесспорно, уважительная, но перекроила не только сегодняшней день, под угрозой оказались более серьезные планы. Стас убрал нижнее белье с кресла, сел в него и, заметив почти заполненный чемодан на стуле, огорчился:

– Вижу, ты надолго собираешься, а как же наша поездка на Мальту?

– Я о ней позабыла... – Не менее расстроенная Вероника присела на стул, опустив на колени руки, в которых держала

фен (это предмет первой необходимости, без него с ее копной волос не справиться). – Жаль... Но может, успею вернуться?

Стас, постукивая пачкой сигарет по подлокотнику, закатил глаза к потолку, высказывая вслух мысли:

– Звонили из прокуратуры? Значит, твоя старшая сестра серьезно влипла.

– В смысле? – не поняла Вероника.

– Прокуратура занимается тяжкими преступлениями, отсюда напрашивается предположение, что твоя сестра непосредственно связана с каким-то преступлением, но тебя зачем затребовали? Странно... Мальта у нас через пять дней, не думаю, что ты успеешь вернуться назад.

Вероника подхватилаась, бросив на ходу:

– В таком случае, тебе придется лететь на Мальту одному, я не смогу. Может, Зине нужна помощь, а рядом никого нет.

Она занялась сборами, точнее, убирала в шкаф то, что, по ее мнению, не пригодится. Не желая мешать ей, Стас вышел покурить на площадку, заодно позвонил родителям и сообщил, что смотрины откладываются. Разумеется, не сказал об истинных причинах, а солгал: мол, непредвиденные обстоятельства заставляют Веронику лететь к сестре, которая находится в тяжелом состоянии. Прокуратура, следовательно – звучит зловеще, отец с матерью после этих слов пристанут: ты родословную Вероники проверил, вдруг там сплошь дурная наследственность? Зачем ему потрясения?

Когда он вернулся, чемодан стоял посередине, да и в комнате Вероника успела навести относительный порядок, сама же переодевалась.

– Я отвезу тебя в аэропорт, – заявил Стас.

– Спасибо.

Наконец Вероника улыбнулась, но это всего лишь дань вежливости, на самом деле предложение Стаса неприятно кольнуло: разве только отвезти в аэропорт должен был предложить любящий мужчина? Вызов к следователю ничего хорошего не сулил, Вероника нервничала и терялась в догадках, что ждет ее в незнакомом городе и чем отличилась Зинаида? Не исключено, что и Веронике понадобится помощь, по логике Стас обязан все бросить и лететь с ней. Этот вариант не осенил его умнейшую голову, видно, он не понимает, что ей боязно одной лететь в неизвестность, а просить... зачем? Стас без того раздосадован, вероятно, потому и тормозит его сообразительность, но хотелось бы...

По дороге к аэропорту Вероника поглядывала на претендента в мужа чуть-чуть новыми глазами. Нет-нет, она не перестала его любить, из-за ерунды не меняют резко своих пристрастий, просто они разные, только сегодня, сейчас посетила эта мысль. Стас почти никогда не выходит из себя, значит, умеет сдерживать свои эмоции, это редкое качество; он успешен, а Вероника относится к женщинам, которые чураются неудачников, распространяющих вокруг себя ореол негатива; он практичен, но не жаден, ведь хуже мужика-скряги мо-

жет быть только алкоголик. Внешность меньше всего интересовала в мужчинах Веронику, предпочитавшую в тридцать один – а это возраст сознательности и трезвых оценок – ум, обхождение и стабильное положение, но и тут ему можно поставить высокий балл. А она? Она-то какая?

Вероника достала пудреницу и придирчиво изучала свое смуглое лицо, которое загорает, стоит лишь выглянуть солнцу, – таким образом, к осени она становится похожа на цыганку. В этом смысле Мальта совсем нежелательна даже в это время года, она поджарится там и станет словно негритянка, цыганка все же светлее. Но у «цыганки» серо-голубые глаза и русые волосы, безобразно завитые природой, подруга посоветовала отрастить их до лопаток, мол, будет стильно. Да, стильно получилось – грива, как у льва, к тому же возникли проблемы с расчесыванием, особенно после мытья, заодно возросли траты, так как всяческие пенки-гели-муссы покупаются мешками. Но все в восторге от ее волос. В исключительных случаях, когда появляется желание выглядеть нетипично, Вероника выпрямляет пряди в парикмахерской.

Если разобраться, у нее все не так: нос с горбинкой, а хочется прямой; глаза слишком удлиненные, ну, тут уж ничего не исправишь, как и скуластое лицо, еще хотелось бы иметь поменьше ротик... Ух, сколько недостатков! А окружающие считают эти недостатки достоинствами, уверяют, будто все это в совокупности смотрится красиво, кому же верить – зеркалу или чужому мнению? Зато фигура на ять, но какими

усилиями! До параметров моделей даже не мечтала себя довести, не получится, однако периодически Вероника фигуру истязает диетами, значит, что? Ее тело несовершенно.

В общем, Стас – мечта незамужних девушек, правда, у мечты есть некоторые минусы: он замкнут, неразговорчив, чересчур чопорный и все равно мечта. Веронике стоило бы честно признать, что она-то как раз далека от идеала, следовательно, завышенные требования неплохо бы предъявлять прежде всего к себе. Да и как бы он полетел вместе с ней, а работа? Это у нее отпуск начался со вчерашнего дня, иначе так легко она не сорвалась бы, а Стас работает вплоть до отлета на Мальту.

Билет купили, во время посадки он попросил:

– Позвони, когда прилетишь.

Вероника крепко обняла его, искренне поцеловала в губы и наконец-то догадалась извиниться:

– Стас, прости, я не по своей воле...

– Иди, иди, – ободрил Веронику он.

– Если не вернусь, лети на Мальту с Аленкой...

– Разберемся, иди.

Она прошла кордон, оглянулась и махнула ему рукой, затем послала воздушный поцелуй, признав, что ей потрясающе повезло с ним. Мог бы и не обратить на нее внимания, мало, что ли, красивых девиц вокруг? Она-то сама уже, пардон, перестарок, а замуж хочется, ой, как хочется. Чтоб и платье, и фата, и праздник...

Сидя в самолете, Вероника дала себе клятву не поддаваться на провокации своего амбициозного характера, чай, не королевой уродилась.

Остановилась в гостинице, к сестре не поехала, потому что не знала, где та живет. Да, да, не знала, так случилось, в чем причина разрыва – вспоминать не было желания. И звонить Зине не стала, решив для начала выяснить, куда сестричка «серьезно влипла», как сказал Стас.

Утром она вошла в прокуратуру, огляделась с повышенным любопытством, ведь до этого дня Веронике не довелось бывать в подобных учреждениях. Ощутила дискомфорт: вероятно, от стен, пропитанных человеческими муками, шла отрицательная энергия, или это в ее представлении прокуратура казалась суровым застенком. Заметив дежурного, Вероника спросила, как ей попасть к следователю Ларичеву, тот сначала позвонил, потом объяснил, где находится кабинет. Пришлось подождать минут двадцать, что явилось настоящей пыткой, ведь ждать у цели, выстраивая в уме десятки жутких ситуаций и задаваясь вопросом, зачем вызвали, – это кошмар. Но вот ее пригласили в кабинет...

Основываясь на первом впечатлении от Ларичева, она пыталась определить, с кем ей предстоит иметь дело, ведь крайне важно угадать, что за человек перед тобой, особенно при полнейшем вакууме в сведениях. Не нравились Веронике раздвоенные подбородки у мужчин, утяжелявшие лицо и от-

влекавшие от него, к тому же создавалось впечатление, что этот товарищ жесткий, непримиримый. Наверное, глупо по подбородку составлять мнение о человеке, но внутреннее устройство Вероники всегда искало нестандартные детали, по ним выстраивало образ.

Без сомнения, Ларичеву под сорок, темные волосы коротко стрижены, нос прямой (ей бы такой), рот прямой, брови прямые... Так-так, черты лица не только получают по наследству, в процессе жизни они тоже видоизменяются, на них накладывает отпечаток характер. Видимо, он привык строить всех, кто в подчинении, ибо властность Вероника рассмотрела без труда. Ларичев что-то писал, привычным жестом и без слов указал ей на стул, когда она присела, уточнил ее фамилию, имя, отчество, затем поинтересовался:

– Вы уже в курсе?

– Насчет чего? – последовал от Вероники встречный вопрос.

Он поднял на нее глаза – небольшие для такого широкого лица, светло-болотные, колючие, а в совокупности с прямыми бровями получился очень строгий вид.

– Вы что, ничего не знаете? – спросил он.

И голос у него низкий, но лишенный теплоты, Ларичев просто ужас наводил на нее, поэтому Вероника не ответила, а отрицательно качнула головой. Он бросил авторучку на стол и откинулся на спинку стула; расстегнув пиджак, поставил руку на бедро, оттопырив в сторону локоть, при этом

установился на Веронику, будто смотрел на студентку-первокурсницу, не знающую предмет. Она закусила губу, чтоб не сделать ему замечание по поводу бесцеремонности, да помнила, где находится. Говорят, войти сюда – запросто, а выйти – весьма проблематично.

– Значит, вы не были у нее, да? – уточнил он.

– Нет, – пришлось ответить, раз он не понимает кивков. – Я прилетела вечером, остановилась в гостинице.

Пауза начала нервировать Веронику: что он там себе измышляет?

– В гостинице, – наконец повторил Ларичев и что этим хотел сказать – одному ему известно, во всяком случае, Вероника не поняла, какой смысл он вложил в слово. – А почему не поехали на квартиру, в которой проживала ваша сестра?

– Да что случилось, черт возьми? – закончилось терпение у Вероники. – Что вы ходите вокруг да около? Прямо нельзя сказать?

– Можно. Но мне любопытно, почему родная сестра, то есть вы, которая прилетела издалека, не кинулась сразу к сестре выяснить, что произошло, а поехала в гостиницу.

– Потому что мы не общаемся с Зинаидой, давно не общаемся, – подавляя эмоции, ответила Вероника.

– Как давно?

– Лет пять. Да, пять.

– Вы состояли в ссоре? – допытывался он.

– Да, а что? Мы поссорились и не виделись пять лет.

– Что же послужило поводом?

А собственно, чего она перед ним трепещет? Он кто? Такой же человек с ногами и руками, с головой и туловищем, но завышающий свою значимость. А она кто? Преступница? Нет. Так в чем дело? Его надо поставить на место. Вероника закинула ногу на ногу, пальцы рук переплела, соединив их на колене, подбородок вздернула и сказала вызывающе, вместе с тем сухим тоном:

– Какая вам разница? Родственники часто ссорятся, иногда на всю жизнь, не вижу в этом ничего сверхъестественного. Почему вы до сих пор не соизволили поставить меня в известность, что натворила моя сестра и зачем вы меня вызвали?

– Вашу сестру убили, – поставил в известность Ларичев, как она того требовала. – Ей нанесли пять ударов предположительно ножом, три из них несовместимы с жизнью. Вам плохо?

Только идиот или конченный тупица, что вообще-то одно и то же, способен задать этот вопрос, к тому же абсолютно безучастно. Вероника почувствовала, как кровь прихлынула к поверхности кожи, а внутри стало морозно, словно там образовалась ледяная пустошь. Известия о смерти неожиданны даже тогда, когда человек долго и безнадежно болеет, а когда смерть внезапна, ее невозможно принять, поэтому первой мыслью было: он перепутал, Долгих фамилия распространенная.

– Вы уверены?.. – выдавила Вероника с трудом. – Мою сестру?..

– Если Зинаида Валентиновна Долгих ваша сестра, то убили ее. Но раз вы сомневаетесь, что вполне понятно, поедем на опознание, тем более эта процедура запланирована у нас, ведь однофамильцев много. Прошу вас, – указал он на выход.

На автопилоте Вероника следовала за ним, еще не осознавая полностью происшедшее, к тому же надеясь, что произошла досадная ошибка. Если б ошибка! Ей не было бы жаль потраченных денег, с радостью она купила б билет и улетела к Стасу, потом на Мальту, где солнце превратит ее в мулатку – пусть.

Но внутри ее нечто жгло, отнимая надежду и пугая предзнаменованием: с этого дня твоя жизнь изменится, все изменится, и ты в том числе. Будто некто, бесшумно кравшийся за ней, нашептывал страшные слова злорадным голоском. Вероника чем угодно поклялась бы, что слышала неопределенный тембр (не мужской, не женский) и вкрадчивые интонации. Может, это шептал осенний ветер, встретивший их на улице, а может, та самая интуиция, которую никто не видел, не трогал руками, тем не менее многие уверяют, что она есть.

Ларичев оказал ей услугу: не на общественном транспорте заставил трястись, а усадил в личный автомобиль и сел за руль, по дороге, к счастью, не приставал с расспросами. Иногда, во время остановок на светофоре, она ловила на себе его

любопытные взгляды, но он не заговаривал, а ей тем более не хотелось открывать рот, Вероника готовилась к «процедуре».

Но когда тебе показывают замороженный, почти бесформенный, отсюда плохо узнаваемый труп и просят опознать: твоя ли это сестра Зина, чужие слова не доходят, их попросту не улавливает ухо.

Только всматриваешься и всматриваешься в искаженные смертью черты, но ищешь не сходства, а различия, чтоб успокоить прежде всего себя: это не она, не Зина.

– Девушка, вам валерьяночки накапать? – спросил кто-то.

Вероника не отреагировала, она смотрела, не мигая, не дыша, с каждой секундой убеждаясь против желания, что видит безжизненное тело Зины, Зинки-оторвы, Зиночки-шалуньи, хитренькой, умной и безбашенной. Сильные руки взяли Веронику за плечи, словно хотели поддержать, а она всего-то сделала шаг назад, да неудачно, пошатнулась.

– Вы не ответили, – раздался рядом знакомый голос следователя, – это ваша сестра Зинаида Долгих?

Наконец Вероника услышала, повернула голову и встретила взглядом с глазами Ларичева, в которых заметила сочувствие, но сил хватило лишь утвердительно кивнуть. В следующий миг, когда она повернулась к Зине, ту полностью накрыли тканью, которая отделила мертвую от живых.

Ларичев вел ее, держа за локоть, хотя это было лишним, Вероника неплохо держалась на ногах, просто в голове бур-

лил хаос из обрывочных воспоминаний, только что виденного трупа и множества вопросов. Она позволила руководить собой, в молчании поворачивала в ту сторону, куда тянул ее следователь, и покорно шла дальше.

Он отвез ее в гостиницу, даже проводил до номера, что с его стороны было верхом галантности – все же Ларичев при исполнении и не обязан заботиться о родственниках зарезанных. Вероника поблагодарила его, а в номере упала на кровать и очень долго лежала без движений, глядя в потолок.

2

Следующий день мало-мальски вернул ее в нормальное состояние, настала пора подумать о захоронении, но этот вопрос без следователя, как догадывалась Вероника, решить нельзя, поэтому отправилась к нему. Она не представляла, сколько ждет ее неожиданностей. Но он не сразу огрел обухом по голове, вначале Ларичев, жизнь которого явно состояла из одних вопросов, отдал дань вежливости:

– Как вы?

Дежурная вежливость, не предусматривающая даже мизерного интереса к самочувствию человека, а Вероника к подобным проявлениям относилась с предубеждением.

– Могли бы не спрашивать, – буркнула она. – Или вы полагаете, что после вчерашней «процедуры» люди пляшут от радости?

– Ну, иногда. Да-да, иногда и пляшут – когда являются единственными наследниками всего имущества. Правда, на похоронах безудержно рыдают, но скорей всего от радости.

Циник, отметила про себя Вероника, слава богу, ей недолго предстоит общаться с ним. Она приступила к делу:

– Я могу забрать сестру и как это сделать?

– Можете. Труп у нас и без того задержался, я подготовлю соответствующие бумаги... Кстати, у вас есть в нашем городе знакомые, родственники?

– Никого. Я этот город не знаю.

– Значит, и друзей сестры вы тоже не знаете, – вывел он, кажется, разочаровавшись. – Трудно вам придется с организацией похорон.

– Справлюсь. Я могу идти? – И вскочила.

Она переоценила себя, в этом месте Вероника чувствовала все признаки западни, а Ларичев виделся ей коварным охотником, расставляющим невидимые ловушки. Уж неизвестно, с чего это вдруг у нее возникли такие ощущения, но, не выяснив и толики всех обстоятельств, при которых погибла Зина, она поспешила быстрее уйти отсюда.

– Сядьте, – приказал он.

Вероника плюхнулась на стул, замерла. Выпала сумочка из рук, она подняла ее, уложила на колени, сжав до боли пальцы, потому что Ларичев хладнокровно сканировал ее глазами. Под этим пристальным взглядом было не по себе, будто она в чем-то провинилась, а он готов огласить вслух ее вину. Вместо этого Ларичев удивил ее и бесстрастным тоном, и неожиданным поворотом:

– За три дня до убийства ваша сестра написала завещание и сделала вас единственной наследницей всего своего имущества.

– Меня?! – только и вымолвила Вероника.

– Вас, вас. Несмотря на ссору между вами. Странно, да?

Вон для чего он начал с прелюдии о наследстве, ему интересно поглядеть на реакцию Вероники – до какой степени

она возрадуется. До чего же черствый человек.

– Какое имущество? – скептически фыркнула она. – У Зины?

– Квартира в элитном доме двухкомнатная, сто квадратных метров, в ней – все путем, то есть полный достаток, хотя ваша сестра нигде не работала. Не работала, а счет в банке имела приличный. Если не ошибаюсь, немногим больше миллиона, для многих это огромные деньги.

Вероника уловила в его фразах некий намек, а на что он намекал, не догадывалась, двойной смысл ее беспокоил, поэтому она излишне резко сказала:

– Не понимаю, к чему вы клоните?

– Я рассуждаю, – снисходительно усмехнулся Ларичев и, к ее радости, опустил глаза, чертил круги на листе бумаге, словно ему безумно скучно. – Не подскажите логику вашей сестры? Вы не общались, даже не перезванивались пять лет, что же побудило ее написать завещание на ваше имя за три дня до гибели? Она как будто чувствовала, что скоро умрет насильственной смертью.

– Никто не может знать, что она чувствовала, вы тем более, – дерзко заявила Вероника. – Где Зина жила? Скажите адрес. Надеюсь, соседи не откажутся проводить ее и помочь мне.

Ларичев быстро настрочил на листе бумаги адрес, подвинул к ней, она, читая, не обратила внимания на его последнюю фразу:

– Это в новом микрорайоне. Не думаю, что соседи помогут, но попытайтесь. Да, вот еще что... подпишите подписку о невыезде.

Шевеля губами и запоминая, Вероника прочла адрес, сложила лист и, засовывая его в сумочку, спросила:

– Все?

– Подпишите, – указал он глазами на листок, одновременно подавая авторучку. Когда она собралась поставить свою подпись, Ларичев упредил бездумный поступок: – Прочтите сначала.

Вероника начала читать... вдруг ее глаза из длинных стали круглыми – какие ей всегда нравились, в ужасе она выдавила:

– Подписка?! А... а почему?!

– До конца расследования вам предстоит находиться в городе.

– Вы в своем уме?! – взвилась Вероника, забыв, с кем имеет дело. – У меня отпуск только две недели! А потом... потом работа... и... я выхожу замуж... Нет, я не могу торчать здесь до конца... тем более этот конец неизвестно когда наступит! Вы же годами ведете следствие, мне что же, все это время жить здесь?!

– Ничем не могу помочь, у вас есть мотив.

– Что? – подалась корпусом к нему Вероника, будто не расслышав. – Что-что у меня есть?

– Мотив.

– То есть вы меня...

Ее указательный палец то на Ларичева показывал, то упирался в собственную грудь, а в словарном запасе не находилось нужных слов. Если честно, то находились – ненормативные. И этот урод (моральный, разумеется), которому безразличны люди, явно получающий удовольствие, издеваясь над ними, сложил по-школярски руки на столе и произнес:

– Не стоит нервничать, так положено: все, кто имеет мотив, до конца следствия обязаны находиться в городе.

– Да меня вообще здесь не было!

– Верю. Вы свободны.

Вероника рванула к выходу, но, когда она распахнула дверь, ее остановил голос Ларичева:

– Вы забыли пропуск.

Ах да, без пропуска ей только в каталажку дорога, да и то под конвоем. Она оглянулась, Ларичев, установив локоть на стол, лениво потрясал листочком. Вероника рванула к нему, выхватила листок, зло рывкнув:

– Спасибо.

И ушла. Следом за ней в кабинет зашел молодой человек небольшого роста, с простоватым лицом, которому Ларичев отдал приказ:

– Видел? Глаз не спускать, тебя сменят.

– Черт! – взмахнула руками Вероника перед квартирой сестры.

Опечатана! К тому же Ларичев не дал ключа, следовательно, туда не войдешь, впрочем, не вошла б и с ключом – как она бумажку с печатями снимала бы без соответствующей визы? Чтоб потом ее обвинили во всех смертных грехах?

Вероника оперлась спиной о стенку, вздохнула – и что теперь? Она ведь понятия не имеет, с чего начинать, куда бежать и что нужно для захоронения. На площадке еще три квартиры, Вероника позвонила в одну – никто не откликнулся. За дверью следующей квартиры старуха ответила, что не знает Зинаиду Долгих, пришлось звонить в следующую.

– Вам кого? – выглянул мальчик лет десяти.

– Дома из взрослых есть кто?

– Ба! – позвал он. – Ба, тебя спрашивают.

Появилась миловидная женщина, которую и бабушкой-то не назовешь. Вероника, торопясь и запинаясь от волнения, выпалила:

– Я сестра вашей соседки... Зинаиды Долгих... Она в этой квартире жила... Не могли бы вы...

– Которую зарезали возле нашего дома?

– Д-да... – А сама-то так и не выяснила, где убили сестру, а также как и когда. – Ее пора хоронить, а я... не представляю, как это делается... мне не приходилось хоронить... Не подскажете, куда обращаться?

– В бюро ритуальных услуг, – охотно подсказала женщина. – Точно не помню, какие нужны документы, но свидетельство о смерти точно надо... Да вам подскажут в бюро.

– А где находятся ритуальные услуги? Я не знаю города...

– На кладбище. Погодите, сейчас уточню адрес, у нас ведь не одно кладбище.

Получив адрес и выйдя во двор, Вероника уселась на скамейку, совершенно расстроенная, несчастная настолько, что потянуло поплакать. Вчера не ревела, а сегодня собственная беспомощность наполнила глаза слезами, и не привыкшая к катаклизмам Вероника чувствовала себя никчемной. Тем не менее она съездила в бюро ритуальных услуг, выяснила, какие нужны справки, еще больше пала духом, потому что примерный счет за оказание услуг выставили кругленький, а это только начало. По дороге к остановке она ругала себя на чем свет стоит:

– Зачем я купила сапоги? Да еще две пары! Очень они мне нужны были по таким ценам? И сумки к сапогам... А пальто кожаное зачем? Могла обойтись, но не обошлась! А белье... Откуда у меня страсть к безумной роскоши? Вот дура! Если не хватит денег на карточке, что я буду делать?

А еще через некоторое время она воодушевилась, выход-то есть: позвонить Стасу. Вероника дождалась вечера в гостинице, ведь ее жених посвящает себя полностью работе, посему не любит отвлекаться, да и новость предстояло преподнести из разряда хуже некуда. Она провела несколько часов в слезах, горюя над своей участью и оплакивая глупую Зинку. Как она попала под нож? Нормальные люди доживают до старости, а ее почему-то прирезали. Кстати, тетка, вос-

питавшая их, не раз твердила старшей: «Ой, Зинка, ты своей смертью не умрешь, больно плутоватая». Как в воду глядела!

– Стас, это я, Вероника. – Услышав его голос, она снова разревелась. – Стас, тут такое... Мою сестру убили.

– Да ты что! Как? Кто?

– Ножом. Кто – не знают, идет следствие. На меня столько свалилось... Стас, прошу тебя, приезжай... я не справлюсь одна.

Пауза в трубке могла означать все, что угодно, например, ему необходимо хотя бы немного времени для анализа ситуации, а также просчитать свои действия. Каково ему перестраивать планы, если даже Вероника от шока абсолютно потерялась и туго соображала? Но не этих слов она ждала, нет, не этих:

– Ты понимаешь, что это невозможно?

– Почему невозможно? Я почти твоя жена, у меня горе, никто тебе слова не скажет против...

– У нас сейчас аврал перед сдачей, ты же знаешь, сколько наваливается забот с переделками, я не могу все бросить. И документы в путевке я успел выправить на сестру, как ты того хотела, Алена не поймет внезапных перемен.

Паника, что в тяжелых обстоятельствах она останется в полном одиночестве, оказалась сильнее слез, паника и волна негодования. Вероника судорожно утерла нос и щеки, собралась попрощаться, мол, катись хоть на Мальту, хоть к чертям собачьим, а твои тапочки я вышлю тебе по почте вме-

сте с зубной щеткой, но сдержала порыв. Разрушать легко и просто, не пришлось бы потом жалеть. Вероника упавшим голосом выговорила:

– Стас, ты мне нужен, очень-очень нужен...

– Вероника... – Таким тоном начинают окончательный отказ. – Извини, это невозможно, слишком много завязано на мне людей. (О да! Особенно на мальтийском побережье! Как тут не усмехнуться? Горько усмехнуться.) Кстати, как у тебя с деньгами? Выслать?

– Да. Мне нужны деньги на похороны.

Вот, пожалуйста! Если б послала его минутой раньше, где бы деньги взяла? Вероника подобрела, когда слушала:

– Завтра утром перечислю на твою карточку. В общем, завершай всю эту бодягу с похоронами и возвращайся, не торчи там.

– Я не знаю, когда приеду, меня заставили подписать дурацкую бумажку... подписку о невыезде.

– Как-как?! Подписку? С какого перепугу?

– У меня есть мотив, так следователь сказал. Зина оставила мне свое имущество.

– Выходит, тебя подозревают в убийстве собственной сестры?

Вероника будто удар тока получила, до ее сознания полностью не доходило, что означает подписка, не до того было. Подозревают – звучит жутко, ведь известно, что если других подозреваемых не найдут, убийство повесят на нее. Впро-

чем, повесят без «если», у нее есть мотив, а органам нужны показатели, раскрываемость, почет и уважение, ну, еще очередные звания и прибавка к зарплате. Ничего себе! Зинка влипла, а вместе с собой и сестру потащила! Она всегда тащила ее... но что теперь об этом думать!

– Нет-нет, это не так серьезно, – промямлила Вероника в трубку, на самом деле не веря в то, что говорила. – Просто они ищут тех, у кого есть мотивы, потом проверяют... Я же была очень далеко! Как же могла... Короче, мне ничего не грозит, успокойся.

– Мне бы твою уверенность. Ладно, посмотрим, что там следователь надумает. Держись. Завтра позвоню.

И ей бы уверенность. Вероника бросила трубку рядом на кровать, на которой лежала, снова ее глаза сфокусировались на потолке, там хоть ничего не отвлекало от мыслей. Собственно, мысль была одна: ее подозревают! В убийстве?! Бред. Но учитывая, сколько по тюрьмам томится невиновных людей, бред перевоплощался в реальность. Ее положение хуже, чем казалось, а Стас не по-мужски устранился, он обязан приехать и защитить будущую жену, выходит, она долго искала и выбрала ненадежного человека?

Но «подозревают» – главнее, страшнее, эта мысль была убийственной. Нужно что-то делать, каким-то образом убедить Ларичева в своей невиновности, если только он захочет в этом убедиться, в чем Вероника сомневалась. Правда, сейчас на первом месте стоит Зина, как справиться с этой про-

блемой? Знакомых в городе нет, кроме... Неужели опять к следователю придется нестись?

Ларичев открыл дверь ключом, вошел на цыпочках, хотел сюрпризом явиться: опля, вот он я! Не вышло. Нинуся вылетела из комнаты, как из хлопушки конфетти, и столько же от нее шума:

– Почему так долго? Я жду, жду... Ночь на дворе, а тебя все нет! Не бросай пиджак, повесь в шкаф. Тапочки я помыла, не ходи босиком. Иди на кухню, кормить тебя буду. Руки не забудь вымыть.

– Нинуся, ты как сварливая жена, – робко пожурил он дочь по пути в ванную. – Эдак тебя никто замуж не возьмет, все женихи разбегутся.

– Ну и пусть разбегаются, – уже из кухни крикнула Нинуся. – И вообще, ты быстрее выйдешь замуж за жену.

– Не-ет, – пробасил он из ванной, – я больше не женюсь.

– Все так говорят, – сказала мудрая дочь. – А потом влюбляются и женятся.

– Нинуся, я теперь люблю одну-единственную женщину: тебя.

– И правильно. Тогда, когда вырасту, я с тобой буду жить, ты ж без меня пропадешь.

– Эт-точно, – констатировал Ларичев, заходя в кухню, да так и вытаращил глаза. – Суп? Котлеты? Откуда роскошь?

– Бабушка приезжала, – вздохнула Нинуся. Ей хотелось

бы похвастать, дескать, это я приготовила, попробуй, но врать еще не научилась. – Заглянула в холодильник, а там все есть, но нужно готовить. Она и приготовила, а я помогала.

Бабушка – мать бывшей жены. Естественно, разведясь с ней, с тещей он не поддерживал дружеских отношений, поэтому озаботился:

– Маме не доложит, что я тебя голодом морю?

– Что ты! Она же любит меня, значит, не будет сердить.

Детская непосредственность – качество замечательное, отличается от взрослых игр бесхитростностью, а то иной раз взрослая непосредственность смахивает либо на умственную отсталость, либо на ту самую простоту, которая хуже воровства. В этом смысле ребенок открыт, он такой, какой есть, но и в своем восьмилетнем возрасте Нинуся неплохо усвоила, что на любви можно спекулировать. Как к этому относиться? А черт его знает! Ларичев слишком дорожит дочерью, чтобы заниматься воспитанием и грозить пальцем, читая длинные нотации.

По кухне распространился аромат вареных грибов и приправ, Ларичев шумно и с наслаждением потянул носом, тем временем Нинуся, как заправская хранительница домашнего очага, поставила тарелку с супом перед ним.

– Где отчет? – поедая тещин суп, спросил он.

– В школе как всегда, – начала перечислять Нинуся, немного картавя. – Встретила меня и отвела домой тетя Роза, у нее я поела. Потом делала уроки, приехала бабушка и

приготовила обед. Мы с ней погуляли, к твоему возвращению она убежала, не знала, что домой ты придешь так поздно. Па, ты ничего не купил?

– Купил. Зефир, но не в шоколаде, шоколад отдельно... – Девочка слетела со стула и рванула в прихожую. – Нина Афанасьевна! Не ешь все сразу, меня твоя мама убьет. Вместе с твоей бабушкой.

– А мы им не скажем. Ух ты... фисташки! А чипсы? Забыл?

– Чипсы – еда вредная, лучше я тебе картошки нажарю.

Поторопился он выдать покупки: дочь категорически отказалась съесть хотя бы одну котлету, налила себе чаю и уминала зефир с шоколадными конфетами. Потом ритуал – Нинося на ночь смотрела мультик, папа вместе с ней в тысячный раз, а это настоящая мука. Ларичев взялся за телефон:

– Ну, как твоя подопечная, Дениска?

– В гостинице сидит. Ездил на квартиру убитой, потом в бюро ритуальных услуг, оттуда вернулась в гостиницу и не выходила. Город она не знает, я это понял сразу, часто останавливала прохожих и спрашивала, куда ей идти. Потерянная она какая-то.

– А ты не был бы потерянным?

– Извини, Афанасий, но с подпиской ты перебрал.

– Поживем – увидим. Нам повезло, что отыскалась сестра убитой. Короче, сейчас отдыхай, завтра с утра заступит Сеньков, во второй половине дня сменишь его. А до дежур-

ства, будь добр, опроси Лайму насчет приятельниц, сдается мне, темнит она.

– Ага, а со мной расколется, – скептически хохотнул Денис.

– Ты обаянием на нее воздействуй, обаянием, – дал совет Ларичев. – Она много знает, но делает наивные глаза. К тому же, Денис, тебе предстоит общаться с красивой женщиной, это просто подарок.

– Забрал бы ты этот подарок себе.

– Не спорь, опер ты, а не я. До завтра. Ну-с, Нина Афанасьевна, – обнял он дочь за плечи и чмокнул в щечку, – пора спать.

Нинуся безропотно, с удовольствием отправилась стелить себе постель, заодно и папе, она девочка ответственная – это наиболее подходящее определение, так как папа не сказал бы, что она еще и послушная. Нет, чаще слушается свою маленькую дочь он, причем не нарочно, да ведь дети сейчас акселераты и вундеркинды, рано приобретают определенные знания, навыки, позицию, взрослые безмерно от них отстают. Говорят, это люди будущего. Все может быть.

3

Ларичев отвез Нинусю в школу, до работы оставалось время, он потратил его на закупки по списку дочери и Розы, которую нанял присматривать за девочкой, ну и по хозяйству помочь. Заехав во двор прокуратуры и заглушив мотор, он заметил знакомую фигуру, подпиравшую спиной стенку у входа – как же ее обойти? Ларичев остановился напротив Вероники на расстоянии вытянутой руки, она смотрела в сторону и вниз, молчала, заговорил он:

– Боитесь, что она упадет?

– Кто? – вскинула на него непонимающие глаза Вероника.

– Стена. Вы ее так старательно подпираете...

– Я вас жду, – свела брови она.

– В таком случае прошу в кабинет.

Ларичев косился на подозреваемую, которая поднималась за ним по лестнице, будто ведут ее на эшафот, не меньше, невольно она вызывала улыбку. Впрочем, грешно насмехаться над девушкой, получившей в наследство не только счет в банке, но и труп сестры вместе с подпиской о невыезде.

– Слушаю вас, – сказал он в кабинете, усевшись за стол.

Вероника кусала губы, опустив глаза. Ой, как же тяжело ей просить, а пришла она с просьбой, вне всякого сомнения, ведь этот ее шаг был продуман заранее, но, разумеется, не ею. Не дождавшись от нее ни «а», ни «б», Ларичев, обхватив

подбородок рукой, одновременно закрыв рот, чтоб не выдать насмешливую улыбку, сказал:

– Долго мы будем молчать? Выкладывайте, что там у вас.

– У меня ничего не получается, – буркнула Вероника, да так тихо, что он сделал вид, будто туговат на ухо:

– Что-что?

Она вскинула на него негодующие глаза, а тон взяла требовательный, словно ее заботы он просто обязан взвалить на свои плечи:

– Мне нужна справка... то есть свидетельство, или заключение о смерти... без этого не дадут места на кладбище и не продадут гроб. Кажется, еще справку из милиции... Да, паспорт моей сестры, а он либо у вас, либо в квартире, как мне быть?

– Вопрос решаемый, не нужно нервничать.

– Это не все. Денег у меня в обрез, извините, гостиницу после похорон я не потяну. Где прикажете жить до ваших выяснений? На улице? Или в вашем кабинете?

Все шло по плану! Поэтому Ларичев не сделал замечания Веронике ни по поводу тона, ни по поводу наглых претензий, а ограничился коротким вопросом, давая понять, что приложит некоторые усилия в решении и этой проблемы:

– Ваши предложения?

– Разрешите мне пожить в квартире сестры? Знаю, до вступления в права наследования или как там на юридическом языке... я не имею права... Хотя почему? Квартира все

равно теперь будет моя.

– А других наследников у вашей сестры нет, кто мог бы оспорить завещание?

– Если б были, вы бы знали о них.

Загнула. Малость перепутала российскую прокуратуру с бывшим КГБ, ну да ладно, он поднялся, закрывая на ключ ящик стола, сказал:

– Подождите меня здесь.

В коридоре Ларичев позвонил Денису, предупредив, что сегодня Веронику Долгих он берет под личную опеку.

Денис чувствовал: Лайма притаилась за дверью квартиры, не дышит, а он на то и опер, чтоб обладать терпением, настырностью и прозорливостью, поэтому давил на кнопку звонка, не переставая. Она ждет, когда ему надоест, но чтоб зря не надеялась, он перед глазком держал раскрытое удостоверение. И так в течение пятнадцати минут. Нервы сдали. Конечно, у нее, ибо щелкнул замок, приоткрылась дверь с цепочкой, в него впились два недоброжелательных глаза божественной красоты.

– Что надо? – промурлыкала Лайма.

А он ей – улыбку до ушей:

– Попить.

Засопев, она ушла, не захлопнув двери, вскоре вернулась с чашкой, протянула в широкую щель.

– Кипяченая? – осведомился Денис, беря чашку.

– Фильтрованная. – Лайма оперлась спиной о стену, скрестив руки на груди, он выпил, вернул посуду. – Все?

– А поговорить?

– Говори, – пожал плечами, тем самым выразив незаинтересованность, что на самом деле было не так, сказала Лайма.

– Прямо здесь? – сделал наивно-удивленные глаза Денис, воспользовавшись ее приемом, ведь умный учится до старости, а он считал себя умным. – Может, пригласишь? Чайком побалуемся, э... если угостишь, конечно.

Лайма смерила его насмешливым взглядом, птица-то навскидку попалась некрупная, отсюда и отношение к ней пренебрежительное, что просек Денис. Вероятно, она не знает, кто на самом деле варится в следственном котле, – в задачу оперативника входит не только собрать сведения, допросив фигурантов, но и сделать выводы, вычислить преступника, а то и задержать его.

Естественно, ее снедало любопытство, с чем он пожаловал, поэтому она пустила Дениса в квартиру, указав повелительным жестом, куда идти – на кухню.

– Чего не открывала? – работая под простачка, чему способствовала внешность, спросил он. – Боишься, что и тебя, как подруг?

В сердцах Лайма грохнула чайником о плиту, резко повернулась к нему и прорычала, словно злобная фурия:

– Сколько раз повторять – мы не были подругами!

– Спокойно, спокойно... – Дополнительно Денис и жестом

ее утихомиривал. – Не были так не были. Ставь чайник. Но вы же встречались?

– Ну и что? – сказала Лайма.

– И в некоторых известных заведениях вас видели вместе. В кафе, например, в ресторанах, клубах...

– Если я иногда ходила в кабак с девчонками выпить рюмочку ликера, это еще не значит, что мы дружили.

– Ты и убийцу будешь убеждать так же, как меня? А он поверит?

Лайма вытаращила глаза, хотя они у нее и так на пол-лица, причем лазурного колера, аж дух захватывало. Когда она приспускала ресницы, лазурь соединялась со зрачками, и оттуда лилась притягательно-порочная энергия. Пока он разбирался с ассоциациями, Лайма и плечики подняла, хохотнула, мол, я вся в изумлении, а ты, оперок, белены объелся или обкурился анаши. Артистка. Но и он артист еще тот – хоть в кино, хоть на подмостки его засунь. Соорудив на физиономии огорчение, Денис разочарованно вздохнул:

– Значит, ты не знаешь, за что Зинку Долгих... – Тотчас Лайма ладонь приложила к груди, набрала в грудь воздуха и собралась дать наипугливейшую клятву, что ничего ей не известно. Денис поднял руку, останавливая ее: – Ладно, ладно. Верю. Ну, давай чай, что ли.

Девушка... Собственно, какая она девушка? Ей за тридцатник, а сколько точно, не определит ни один эксперт. Но когда Лайма засуетилась, вдруг преобразившись в юное со-

здание, Денис подметил, что при этом возраст у нее стерся до нереально нижних границ. Но этого мало. Она внезапно и по необъяснимым причинам стала такой, какой он хотел бы ее видеть, вернее, какие ему нравятся. Наваждение это или колдовство? Денис даже струхнул – а ну как превратится милая хозяйюшка в нечто страшное и бесформенное, имеющее щупальца, как у осьминога? Шутка, конечно, тем не менее Лайма какая-то неуловимая (в плане характера), так сразу и не скажешь, что она за штучка. С трудом Денис вслушался в ее щебетание, только когда ложки звякнули в чашках:

– ...не могу знать всего, а от меня требуют.

– Что требуют и кто? – вяло поинтересовался он. Кстати, Денис на самом деле размяк, так как полагал, что женщину расколется за пару минут, но не вышло. Это огорчительно.

– Кто! Ваши, конечно! А требуют, чтобы я дала показания. Какие показания, откуда взяли, что я главный свидетель?.. Ничего не знаю, ничего не видела...

– Тебе по доброте душевной скажу. – А чтоб доверительность выглядела органично, Денис придвинулся ближе к Лайме, будто в квартире, кроме них, еще кто-то есть. – В трубе Зины Долгих твой номер обнаружен... Вот дай сюда твою трубку, что-то покажу.

Не разгадав подвоха, Лайма выпорхнула из кухни, быстро вернулась и положила сотовый телефон на стол, затем грациозно присела на стул и взяла чашку. Денис, неплохо разбиравшийся в моделях и фирмах, быстро нажал на кнопч-

ки, просмотрев список контактов, выпятил губу, понимающе закивав. Разумеется, Лайма заинтересовалась:

– Что? Что ты там нашел?

– Ну вот, смотри... – Он развернул к ней телефон, а показывал пальцем. – У тебя здесь имена, фамилии – как удобно тебе, так и вносила, да? А вот... СШ. Или ЗН. У Зины точно так же внесены твои данные под буквами: ЛМ. А имея номер, выяснить, кто скрыт за буквами «ЛМ», не трудно: ты. ЗН – Зина, СШ – Саша. Поняла?

Лайма откинулась на спинку стула, догадавшись, что он ее развел. Лазурь в глазах потемнела без слияния со зрачками, губы дергались – по всей видимости, их хозяйка прилагала усилия, чтоб они не выговорили то, что вертелось у нее на языке. Но она воспитанная, не посмела изменить себе, все-то-то напомнила Денису:

– Тебя, наверное, дома ждут...

– Не-а, меня не ждут, – допивая чай, заверил он. Наконец поставил чашку на блюдце и уже с полным основанием, как ему казалось, заявил: – Видишь ли, кодирование у вас одинаковое, следовательно, напрашивается мысль, что сделано это не случайно, а по договоренности. Следующая мысль пришла сама собой: все вы члены одной группы, с одними целями и задачами. Поскольку начался, говоря образно, отстрел вашей группы, стало быть, вы успели кому-то сделать крупную гадость. Кому, Лайма?

Пожалуй, ни одна из эмоций не читается так хорошо, как

страх, он удивительно меняет черточки лица, продавая само лицо. Но упрямству Лаймы... так и лезли на ум Денису слова «можно позавидовать», да только завидовать тут нечему, ибо упрямство – это неотъемлемая составляющая глупости. Именно глупость устами Лаймы сказала:

– Тебе пора, до свидания.

– Хорошо, – нехотя поднялся он. – А ты запомни: когда тебя пырнут ножом – должен предупредить, что это больно, – ты пожалеешь, что не воспользовалась шансом.

– Топай, топай, – не выдержала воспитанность Лаймы и перешла на грубость.

М-да, он не искра, зажечь сей факел не сумел. Денис двинул к выходу, но, все еще надеясь на свою способность убеждать, пытался вытащить из нее сведения:

– Скажи хоть, кто такая МР? Мария, да? Или Мирра, Марта? Где она? На звонки не отвечает, а номер зарегистрирован на твое имя, значит, трубу отдала ей ты. Как ее найти?

Лайма молча распахнула дверь и уступила ему дорогу с напыщенностью оскорбленной дуры. Ничего не оставалось, как выйти вон, но в самый последний момент Денис резко изменил маршрут, прижал Лайму к стене и, схватив за горло, прошипел в красивенькое личико:

– Ну, ты хочешь сдохнуть – я могу это понять, наверно, тебе не хватает острых ощущений, как они есть, но МР при чем? Она, может, не желает получить перо под ребро...

– Я закричу. – А сама прохрипела, ведь опер сжимал гор-

ло.

– Ори. Я удостоверение покажу, скажу, что ты на меня напала...

– Пусти... псих...

С досадой он толкнул ее вглубь квартиры. Лайма буквально поплыла назад, когда он разжал пальцы, а потом все же грохнулась на пол.

– Живи, тебе ж недолго осталось! – Денис захлопнул дверь, но успокоиться не мог, крикнул: – Если соберешь по квартире мозги, позвони, номер телефона я кладу под коврик.

Он злился на себя за несдержанность, за неумение использовать ситуацию, за переоценку своих способностей – вот так и появляются комплексы, которые впоследствии перерастают в манию, мания в шизу...

Денис закурил и шел по двору в поисках укромного места, чтоб проанализировать, где, когда и какую он допустил ошибку. Вроде бы все слаженно строилось, вдруг Лайма взбесилась, идиотка. Или идиот он?

Не успел Денис плюхнуться на скамейку под грибком, а она вон, вышагивает скорым шагом вдоль дома, торопится.

«Куда это Лайма намылилась сразу после частичной асфиксии? – сам себя спросил Денис. – Даже передышки себе не дала! И ничего вокруг не видит... Ой, споткнется и упадет на таких высоких каблуках...»

Дождавшись, когда Лайма повернет за угол, он отбросил

сигарету и рванул за ней.

Зинаида возвращалась домой, поведал Ларичев, примерно в четвертом часу утра, где она была и почему возвращалась в столь поздний час – неизвестно.

Таксист непременно подвез бы ее к подъезду, но она почему-то предпочла идти через сквер, а не обогнула его вдоль домов, где хотя бы есть освещение. Пересекая по диагонали (о чем свидетельствовали следы от ее каблучков) заросший, правда, небольшой участок, она получила смертельные ранения и скончалась на месте.

Уже в шесть утра ее труп обнаружили жильцы того же дома, в котором Зинаида проживала, позвонили в милицию. При ней не было сумочки, что для женщины неестественно, должна же она где-то держать ключи от квартиры, платок, пудреницу, кошелек и прочие мелочи?

Ларичев действительно взял заботы Вероники на себя, оставлял ее ждать в машине, а сам отправлялся за справками, но и при его оперативности добыча бумажек заняла почти весь день! А сколько понадобилось бы времени Веронике? Ах да, Зина не просто умершая в тридцать пять лет от тяжелой и продолжительной болезни, она зверски зарезана. Но все равно собирание всех этих бумажек разве не издевательство над простыми смертными?

– Сумку забрал убийца, – сказала Вероника, поражаясь паузе, которую сделал Ларичев, будто не понимал, что имен-

но произошло в ту ночь. – У вас это называется – разбойное нападение с целью ограбления, так?

Находясь за рулем по пути следования к дому Зинаиды, Ларичев на заявление Вероники и ухом не повел, а ей нужна ясность. Она дала подписку о невыезде, данный факт тревожил.

– Вы думаете иначе? – спросила она, когда пауза перешла все возможные границы.

– Угадали, – только и сказал Ларичев.

Многозначительное молчание следователя действовало на нервы, как будто он знает больше, чем могло показаться. Возможно, Веронику Ларичев и не берет в расчет. Но ей как жить в роли подозреваемой? Впрочем, он еще этого не сказал напрямую, просто взял подписку, потому что у нее есть мотив, а мотив далеко не всегда указывает на... Да что же, Вероника родную сестру пришила? Каким образом?!

– Скажите, будьте любезны, что вы думаете по поводу смерти моей сестры? – пристала она к Ларичеву, избрав требовательный тон. – Обязуюсь ваши тайны не разглашать. Некому! У меня здесь нет знакомых. Почему вы молчите, черт возьми? Заставили подписать бумажку, я так чувствую, вы меня оставите без работы, без замужества, без средств к существованию, но говорить, в чем причина жестокого обращения со мной, не желаете? Чудненько!

– Не злитесь, – мирно, в отличие от нее, сказал Ларичев, одновременно останавливая машину. Он отстегнул ремень

безопасности, повернулся к ней, уложив локоть на руль, второй на спинку кресла, и начал: – Вряд ли это ограбление, грабителю достаточно оглушить жертву. Да, не всегда он рассчитывает силу, в результате может произойти смерть от удара, например, по голове...

– Разве грабители не пользуются оружием? – возразила Вероника. – Ножам, пистолетами, шилами всякими?

– Но в ход пускают редко. Даже если и пускают, достаточно один раз ударить ножом – все, жертва от боли не способна сопротивляться. Это хорошо знают грабители, тем не менее вашей сестре нанесли пять ударов, пять! Значит, били наверняка, чтоб она случайно не выжила.

– И что?

– А то, что это убийство не вписывается в стандартное ограбление.

– Но сумочку...

– Сумочку убийца прихватил, да. Но для каких целей? Что было в ней? Вдруг там лежала вещь, которую Зинаида не отдавала, а ему она позарез была нужна? И не исключено, что убийца шел вместе с ней через сквер...

– За ней? – уточнила Вероника.

– Нет, с ней. Не исключено, что он ее сопровождал.

Это меняло дело. Ведь Ларичев дал понять, что подозревает не Веронику, значит, выпустит ее из города, а как ей мечталось умчаться отсюда – не подлежит описанию. Не успела зародиться мысль о свободе, как на плечи Вероники

взгромождилась вина: Зинаиды нет, и больше никогда не будет, а она поглощена лишь собственной проблемой, о сестре недосуг поплакать. Неужели за это время Вероника полностью истребила в себе душу по примеру коллег? Те чужие волнения с переживаниями отторгают, предпочитают только позитив, зато их тронь, такие зубы покажут – от одного вида упадешь замертво.

– О чем вы думаете? – озадачился Ларичев, не спускавший все это время с нее глаз.

– А? – вздрогнула Вероника, очнувшись.

– На вашем лице выражение меняется ежесекундно, следовательно, с такой же скоростью меняются и мысли. Интересно, что вы там себе фантазируете?

– Мои фантазии на одну тему: хочу похоронить сестру и уехать. Отпустите меня, а?

Он поменял позу, снова сев прямо и уставившись в лобовое стекло, – ни дать ни взять римский полководец загляделся вдаль. Ну, хоть пауза длилась недолго, Ларичев развел руками, насколько позволяло пространство, и с сожалением вздохнул:

– Не могу.

– Почему?! – задергалась Вероника. – Почему, почему?

– Наши версии могут быть ошибочными, а мотив пока только у вас.

– Ха-ха... Какой? Какой мотив?

– Вы снимаете квартиру, а со смертью сестры...

– Выходит, я убила Зину из-за квартиры, да? – взвинченно перебила Вероника. – Вы это имеете в виду? А у меня алиби!

– Неужели?

– Да-да-да! Есть! Меня каждый день и вечерами видела масса народу. Друзья, знакомые, коллеги... Я же работаю! В приличной фирме! Я дизайнер...

– Убийства такого рода заказывают киллерам.

Правильное было первое впечатление от него: Ларичева не пронять ничем, он имеет в запасе сто возражений на один вопль. Вероника стухла:

– Значит, я у вас типа запасного варианта? Версии лопнут, а тут сестричка убитой, так?

– М-м... примерно, – беззастенчиво сознался он.

– Ну и циничный же у вас подход, – презрительно бросила Вероника. – Знала б, как у нас в стране обстоят дела с поисками преступников, удрала бы подальше от границ нашего государства – на всякий случай.

– Вы приехали, – указал он на подъезд. – Вот ключ.

Вероника вырвала ключ, открыла дверцу, но, ступив ногой на тротуар, обернулась:

– Там бумажка с печатями... на двери.

– Ну и что? Срывайте, открывайте...

– Нет уж, нет уж. Только вам лично доверяю снять бумажку, а то вы же потом меня обвините еще в чем-нибудь страшном. Идемте, идемте, иначе из машины не выйду.

Угроза подействовала, мало того, он сделал одолжение –

взял чемодан Вероники, который забрали из гостиницы.

Дому не исполнилось и года со дня сдачи в эксплуатацию, подъезд не успел впитать запахи жильцов и кошек – вечных спутников многоэтажек. Вообще-то двери надежно запирают на кодовые замки, бездомным кошкам сюда не проникнуть без помощи человека, но одной удалось. Видно, она долго ждала, когда откроется путь к свободе и рванула к ней на всех четырех лапах. Вероника только увидела сверкнувшие дьявольские глаза, несущиеся прямо на нее из темноты подъезда, одновременно гаснувшие, как лампочки. От страха она закричала. Да любая женщина заорала бы и кинулась бежать, а Вероника застыла в оцепенении, но когда нечто живое и обманчиво шелковое коснулось ее щиколоток, она куда-то вскарабкалась, лишь бы повыше, снова закричав.

– Вы что, кошек не видели? – спросил Ларичев.

– А? Это была кошка? Простая? – не верила она.

– Да уж куда проще. Гражданка Долгих, вы оглушили всех своим визгом, к тому же залезли на меня... Ваш чемодан, вы – не много ли для одного?

Не виновата она, что в подъезде оказалась единственная возвышенность – Ларичев, да и прыгнула на него, схватившись за стальную шею, а также поджав ноги, неосознанно. Инстинкт самосохранения сильнее приличий. Это все пронеслось в голове, извиниться Вероника даже не подумала, перебьется гражданин начальник.

На площадке Ларичев демонстративно отодрал полоску с

печатами, потряс ею в воздухе, показывая так называемой подозреваемой, и хотел сунуть в карман. Вероника не дала, перехватив его руку:

– Дайте сюда... – Получив «опечатку», она положила ее в сумочку, злорадно заявив: – Пусть у меня хранится, на ней ваши отпечатки.

Комедия! Однако Ларичев с серьезной миной напомнил ей немаловажный факт, о котором она в порыве радости, захватив полоску с печатами, позабыла:

– И ваши тоже. Прошу!

Он вставил ключ в замочную скважину, два раза повернул его и распахнул дверь, приглашая войти первой. Не решавшуюся переступить порог Веронику вдруг осенило:

– А откуда у вас ключ?

– Висел в прихожей запасной.

– Но как вы вошли в прихожую, если у Зины не нашли ключа?

– Вы как маленькая, Вероника. Неужели думаете, открыть замок сложно? Это проще простого, если иметь специальные инструменты. Ну, заходите, заходите.

Она вошла робко, с нежеланием, преодолевая внутренний барьер и побаиваясь пространства, принадлежавшего нелюбимой сестре. Пять лет – большой срок, за это время происходят перемены, наверняка изменилась и Зина. Сейчас Веронике предстояло частично узнать, что появилось нового в сестре, а знать она... не хотела. О Зине попросту забыла,

слишком они были разные, слишком по-разному смотрели на жизнь и свое место в ней, слишком далеко жили друг от друга, хотя расстояния не проблема, имелось бы желание увидеться. А его, желания, как раз и не возникало.

В прихожей щелкнул выключатель, загорелся свет – не яркий, бледно-желтый, но его было достаточно, чтоб рассмотреть интерьер, который о многом может рассказать.

Зеркало от пола до потолка, видимо, это шкаф-купе; диван-канapé в стиле какого-то там по счету Людовика, на нем небрежно брошен легкий шарфик восточной расцветки; еще один шкаф, узкий и с дверцами – наверняка для обуви.

Стильная стойка для тростей и зонтов, трости не было, а зонтиков Вероника мимоходом насчитала четыре. На стене телефонная трубка, фотографии в рамках – почему в прихожей?

– Проходите, не стесняйтесь, – крикнул из комнаты Ларичев.

Достопримечательности в прихожей Вероника не все рассмотрела, но ей стало ясно уже на пороге, что Зина материальных трудностей не испытывала, ну и слава богу. А в комнате ротик у нее открылся сам собой. Стильно, да, но неопрятно, что так характерно для старшей сестры, человека во всех отношениях беспорядочного.

Мебель белая, даже ковер у дивана белел длинной шерстью. И здесь много фотографий в черных рамках – тоже стильно смотрелись. Однако это знак, теперь Зина из черных

рамок никогда не выйдет.

Странно себя ощущала Вероника, попав в чертоги сестры, словно подглядывала за ней, оценивала, проникнув тайком.

– М-да, жизнь удалась, – осматриваясь, с одобрительной интонацией, но со скепсисом, сказал Ларичев. – Жаль только, рано закончилась. Паспорта мы не нашли, может, вам удастся...

– Вы делали обыск? – очнулась она. – Поэтому такой беспорядок?

– Обыск делали, но беспорядок остался от вашей сестры, оперативники к нему не имеют отношения. Кстати, вы можете прочитать протокол осмотра квартиры.

Вероника присела на край кресла, невольно обратив глаза к потолку, точнее, к помпезной люстре, которая не гармонировала с обстановкой, но в этом вся Зина, обожавшая показное богатство. Дурацкая мысль, что старшая сестра вот-вот зайдет в каком-нибудь немыслимом по расцветке и крою пеньюаре, не уходила.

– Когда ее убили? – спросила Вероника.

– Неделю назад.

– Недавно... А как вы нашли меня?

– В кармане жакета вашей сестры лежал сотовый телефон, как видите, грабитель почему-то его не забрал. – Конечно, это был намек, мол, ты заказала Зинку. – Я звонил по списку, так напал на вас.

– Получается, я же себя и отдала в ваши руки.

– Ну, осваивайтесь, ищите паспорт, а я поехал...

– Стойте! – вскочила Вероника. – А если не найду паспорта?

– Я же отдал справку из милиции и паспортного отдела в бюро ритуальных услуг, вам остается только заплатить.

– Подождите, подождите... – Вероника подбежала к нему, загородив собой путь.

– Вы не могли бы дать мне сотовый телефон Зины? Я хочу обзвонить ее знакомых, ну, чтоб пришли проводить ее...

– Зайдите завтра.

Он ушел. Вероника прошлась по комнатам, вторая выше уровнем и соединялась короткой лестницей, заглянула в ванную, постояла на кухне... Ночевать здесь будет неудобно, суеверия не чужды и ей.

4

Сначала она понеслась на железнодорожный вокзал, купила билет на пригородный поезд, села в электричку, а через четыре остановки вскочила, как ошпаренная кипятком, выскочила и купила обратный билет.

От глаз Лаймы Денису приходилось прятаться за спинами, щитами с объявлениями, кустами, даже за мешками, ему повезло, что она вышла на относительно крупной станции. Нервозность ее была очевидна. Лайма беспокойно водила глазами вокруг, но, находясь в возбужденном состоянии, никого не замечала. Весь ее вид, взлохмаченный и встревоженный, кричал: сбежала из дурки или сорвалась с зоны, на худой конец стащила толстенное портмоне у бизнесмена и трепещет, что тот настигнет ее. Подозрительно вела себя Лайма, а патруль из двух ментов прошел мимо. Денис бы на их месте попросил показать документы.

Лайма, дождавшись электрички, поехала в город. Где логика? Не прогуляться же ей вздумалось в общественном транспорте по окрестностям, которые вскоре надоели? Денис только пожимал плечами, прячась в тамбуре.

Выйдя на перрон, она позвонила. Денис ускорила шаг, чтоб оказаться поближе, но не расслышал ни одного слова – шумно. Осталось посидеть у нее на хвосте, сама напросилась: рванула на вокзал (и куда-то же ведь ехала!), потом переду-

мала. Чего так мельтешить, если шкура не горит?

Лайма доехала на троллейбусе до парка, посидела в кафе, положив на столик сотовый телефон и постоянно поглядывая на дисплей. То ли время смотрела, то ли звонка ждала, наверное, все-таки время ее интересовало, решил Денис, наблюдавший за ней с улицы. Значит, ждала некое лицо, которое запаздывало. Вскоре еще раз она удивила его: расплатилась и двинула напрямиком в парк.

А погода стояла чудная, октябрь выдался бархатным, безветренным и сухим, в парке вообще красотища встретила. Даже такой прозаический человек, как Денис, ненароком расслабился под влиянием осенней магии, вспомнил, как в школе писал стишки про осень и любовь, ничего в последней не понимая. Нет, а кого не затронет: деревья желто-оранжевые на фоне ярко-синего неба, елки зеленые, клумбы не зачахли, прозрачная свежесть воздуха? И курить не тянуло. А вот фонтаны стояли пустыми, уныло высохшими, их уже подготовили к грядущим холодам, которые, казалось, никогда не наступят. Да так увлекся любованием, что Лайму потерял.

Денис заметался по аллеям в поисках зеленой кожаной куртки (довольно яркой приметы), пшеничных волос, черной юбки и черных сапог на шпильке. Забыл, какого цвета колготки... Неважно, достаточно куртки.

Бегал, ругая себя, потом догадался повнимательней приглядываться к посетителям кафешек, частично эти заведе-

ния еще не закрылись, но только те, где имелись «зимние» помещения. Под открытым небом и обнаружил пропажу, она сидела к нему спиной, Денис устроился за столиком соседнего кафе.

– Я тебя жду двадцать пять минут, – упрекнула Лайма молодого мужчину, приземлившегося за ее столик.

– Извини, не рассчитал время. Ты заказ сделала?

– Нет.

– Тогда давай поедим? За едой плохие новости воспринимаются мягче, а у тебя, судя по лицу, новости не очень, да?

Георгий, для друзей – Гоша, несколько раз взмахивал рукой, привлекая внимание официантки в «стекляшке», наконец эта буренка приползла, лениво уставившись на него.

– Нам что-нибудь из мяса и салаты, желательнее свежие, – на выдохе сказал он. Когда официантка неторопливо заскользила в «стекляшку», попенял Лайме: – Не могла выбрать более пристойное место? Хоть бы не отравиться.

– Георгий... – начала Лайма, придвинув стул ближе к нему.

– Меня пугает твоя активность. Спокойней, Лайма.

Да уж, он практически всегда спокоен. И рассудителен, а также неглуп, ко всему прочему имеет связи – неплохо устроился, поэтому она вызвала его. Внешне он так себе, тем не менее далек от обезьяны, с которой сравнивают сильный пол: дескать, мужик чуть симпатичней обезьяны уже краса-

вец. Удивительно, его украшали очки, которые зачастую стирают личность, очкарики будто все на одно лицо. Он суховат и засекречен, словно резидент, а правильной сказать, Георгий натянул на себя образок утомленного светского льва местного преёскуранта, но Лайме внушал уважение. Да и знакомы они давно, не раз он выручал ее деньгами, тусовались вместе, в общем, она ему доверяла. Правда, доверие относительное, но за неимением лучшего...

– Ко мне домой утром приходил мент... – выпалила Лайма.

– Да? – без удивления произнес он. – Что же ты натворила, радость моя?

– Ничего. Он по поводу Зинки, а может, и Сашки...

– А Зинка что натворила?

– Зинку грохнули... э... пришили... ножом... Ты что, не знал?

Георгий выпятил губу, поднял брови – вся его реакция, словно узнал о незначительном недоразумении, которое не касалось его, а они ведь худо-бедно дружны были. Может, его знакомых через день убивают? Он достал пачку сигарет, предложил Лайме, она покуривала иногда, но сейчас отказалась, к ее состоянию паники только головокружения не хватало. Сейчас больше заботило Лайму, чем способен помочь Георгий, да, судя по его отношению к смерти Зины, жилы рвать из-за нее не станет.

– Когда убили? – поинтересовался он.

– Неделю назад. Под утро, когда она возвращалась домой. Похоже на ограбление, тогда чего менты прицепились ко мне? Меня уже допрашивал следователь из прокуратуры...

– Следак? – Георгий выпустил струю дыма, пожал плечами. – Обычно они гоняют ментов, сами задницу не поднимают, а получают уже готовенькое дело...

– А сегодня и мент приходил.

– Так что же он хотел?

– Да я не поняла. Скользкий какой-то, прямо не говорил, все намеками...

– На что намекал? – допытывался Георгий, все же проявив интерес к столь неординарному событию.

– Ну, как я поняла, он считает, что и меня... могут... ножом.

– Как это – поняла? – фыркнул он, передразнив ее. – Ты что же, голубушка, не расспросила насчет намеков?

– Я его выгнала, – виновато потупилась Лайма, только сейчас осознав, что поступила неосмотрительно.

Георгий снова красноречиво фыркнул, мол, дура ты, а Лайма и так раскаивалась. Паузу разбавила официантка, принесла салаты и мясо, здесь не следуют правилам очередности подачи блюд. Взявшись за вилку и нож, Георгий спросил:

– Сашка где?

– Не знаю. Я ей звоню, она трубку не берет. Ой...

– Что такое? – насторожился он, так как Лайма прикрыла ладонью рот и вытаращила глаза.

– Этот мент назвал меня, Сашку и Зинку группой. А потом сказал, что начался отстрел нашей группы... грубо говоря... Вдруг и Сашки уже нет среди живых?

– Уф! – досадливо качнул он головой, достав телефон. Однако Саша и ему не ответила. – М-да... Что же вы, подружки, накуролесили? Признавайся.

– Ничего, как будто, – поспешно сказала Лайма. – Не знаю, с чего он взял, что мы группа. Но я боюсь. Вдруг и те, кто убил Зину, подумают, как этот мент?

– Меня зачем позвала?

– Гоша, – интонация Лаймы приобрела унизительно-просительный окрас, – у тебя же есть связи в милиции, прокуратуре? Узнай, что они там надумали по поводу убийства Зины. Может, мент меня просто запугивал?

– Ладно, узнаю, самому интересно. А ты в следующий раз не крути носом и повежливей обращайся с ментами. Ешь, Лайма, ешь.

Для Дениса стало неожиданностью, когда молодой мужчина отвез ее на железнодорожный вокзал – она же там недавно была! Лайма долго изучала расписание пригородных поездов, записывала в блокнот, только после этого отправилась к себе.

И снова вела себя неуверенно, будто у нее мания преследования, неужели эту красотку так легко запугать? Или же

основания для страха есть?

Ночь прошла ужасно. Вероника никогда так не мучилась бессонницей, мерещилась всякая дрянь – то за окном ветер странно завывал, то чудилось, будто Зинка бродит в спальне, то звуки всего дома настораживали. А мысли... Иногда хотелось оторвать голову и временно сунуть в морозильную камеру, чтоб остудить, иначе ежесекундное шевеление под черепом и чернушные образы доведут до сумасшествия. Само собой, она не легла на кровать сестры, а устроилась внизу на диване, отыскав в спальне постельное белье. Свет оставила включенным в прихожей, кухне и не погасила маленькую лампу рядом с диваном, все равно было жутко и беспокойно. Уснула, когда за окном появилась мертвенная бледность, проспала недолго.

Разбудил не будильник в сотовой трубке, его Вероника не услышала, а желудок, прозаически потребовав: кушать, ты уморила меня, дай поесть или умру, вместе со мной умрешь и ты. Полусонная, она побрела на кухню, открыла холодильник, там, конечно же, продукты изрядно провоняли. Сморщив нос, Вероника его захлопнула, представив, сколько придется потратить времени на отмывание. Она исследовала шкафы, нашла растворимый кофе, сахар, сухари, каши и макароны – уже жить можно.

Пришло сообщение, которое она ждала с нетерпением, оно означало, что на карточке появились денежки, и точно:

«Ваш счет пополнился. Доступно: 25 089».

– Он издевается? – задохнулась Вероника. – Десять тысяч перечислил?! Всего-то?! Я обманывалась на твой счет, Стасик.

Позыв позвонить будущему мужу и наорать на него на правах законной жены, мол, я здесь зашиваюсь одна, а ты не только не приехал, еще и денег прислал с гулькин нос, Вероника преодолела с большим трудом. Убеждала себя: скандал еще никому не шел на пользу, к тому же у него сейчас масса расходов, вероятно, не смог больше кинуть. Но противно и обидно, в конце концов, занять мог!

– Так, – хлопнула себя по коленям Вероника. – Нервы в сторону! Паспорт...

И не нашла, хотя обыскала все мыслимые и немыслимые места. Потом собрала одежду для покойницы, поехала в морг, где ее поджидала еще одна неприятная неожиданность: счет! Наши люди просто обожают играть с цифрами, начислять, вымогать! Счет выставили за хранение трупа... офигеть! Вероника платить не стала – да пошли они! Взяла такси и помчалась... конечно, к следователю.

А Ларичев очень заинтересовался сведениями Дениса о странноватом поведении подопечной:

– То-то мне показалось, Лайма хитроватая, юлила-юлила, глазки мне строила, от вопросов уходила. Наверное, думает, она умная... жуть. Но что-то знает определенно. Куда ж она

ехала на электричке?

– Понятия не имею. Торопилась, бежала, села. А потом вдруг передумала ехать, выскочила чуть ли не на ходу, ждала около часа обратную электричку.

– Интересно, кто с ней в кафе был?

– У меня только номер машины, еще не пробил его.

– Так пробей. И заодно выясни, где работает, к чему у него склонности. Опять вы? – заметил Ларичев заглянувшую в кабинет Веронику. – Ну, заходите. Кстати, Денис, кто там у нас... на шухере?

– Сеньков.

Ларичев несколько раз махнул ему кистью, дескать, быстренько выметайся. Он боялся, что Вероника взглянет на парня и запомнит его, а опер приставлен к ней в качестве шпика. Но бедняжка убита горем, шла к столу, как больная лунатизмом, на опера даже не взглянула, впрочем, как и на самого Ларичева. А вид был у нее... и следа не осталось от самоуверенности.

Итак, мисс Унылость опустилась на стул, будто у нее подкосились ноги. Собственно, Ларичев был недалек от истины, у Вероники заканчивались все ресурсы, она просто рухнула на сиденье. И свесила голову.

– Что? – после паузы спросил он.

– Вы обещали телефон Зины, я хочу обзвонить ее знакомых... – Ларичев достал из ящика мобильник, положил на стол. – Паспорта в квартире нет.

– Значит, он был в сумочке. Не переживайте, паспорт заменят справки с печатями, удостоверяющие личность убитой. Что еще?

Об этом «еще» сложнее всего говорить, но оно являлось главной целью Вероники. Собравшись с духом, она выпалила на одной ноте:

– Ваш морг требует бешеную сумму за содержание сестры, будто ее там кормили, у меня таких денег нет.

– А я при чем?

Недоразвитый, что ли? У нее здесь ни друзей, ни родственников, ни хотя бы отдаленно знакомых – к кому же обращаться за помощью?

– Не могли бы вы договориться, чтоб они не мародерствовали? Иначе... – Вероника сверкнула глазами, видимо, нашла последний энергетический запал, чтоб обжечь представителя органов. – Иначе я сбегу и хоронить Зину не буду.

– А мы подадим в розыск, вас найдут, вы же дальше границы не убежите, но тогда вся вина за преступление ляжет на вас без доказательств.

Циник, черствый, вдобавок и шантажист. Ух, как задел он ее своим равнодушием! А делать-то нечего, кроме как слезно просить.

– Пожалуйста, – выдавливала из себя слова Вероника, – сделайте что-нибудь. В конце концов, не я определяла Зину в этот морозильник, почему должна расплачиваться? Конечно, заплатить могу, но моя сестра останется у них, перевезти

ее на кладбище денег уже не хватит. В общем, мое финансовое положение обстоит так: либо морг оплачу, либо кладбище. Легче самой умереть, чем похоронить!

Ларичев смотрел на Веронику, просьба которой смахивала на шантаж, подперев кулаком скулу и мысленно уговаривая себя не разочаровываться, ибо рано делать выводы. Но наши эмоции не контролируемы, они мало зависят от приказов ума и, видя напротив бледное (несмотря на смуглую кожу), растерянное существо, готовое от отчаяния рыдать и биться головой о стену, Ларичев чувствовал, что его план горит синим пламенем. Чувствовал, а признать не желал. Так ведь девушка при всей своей никчемности еще хорохорится, условия выдвигает, мол, либо – либо! Нужно срочно закопать сестру, потом оставить ее один на один с собой и подозрениями в убийстве.

– Ну, поехали, – обрадовал он Веронику, бодро вскочившую одновременно с ним.

Она сбегала по ступенькам чуть ли не вприпрыжку, заметно повеселев, обнадеженная, что Ларичев решит за нее все проблемы. И решил-таки, работая извозчиком и менеджером похорон! Во всяком случае, договорился об отсрочке так называемого платежа в морге, ну и на том спасибо. Договорился, кто оденет Зину, нашел он и грузчиков, чтоб гроб с телом переносили, учел множество мелочей по ритуалу, которые пропустила Вероника. Теперь осталась прямая дорога к дому Зины. Пристегиваясь ремнем, Ларичев не удержался

и в сердцах бросил:

– Что ж вы такая неприспособленная, неподготовленная к жизни? Надо же отстаивать правоту, уметь договариваться...

– О чем вы! – вспыхнула Вероника, поражаясь, в свою очередь, его дремучести. – К чему я должна была готовиться? К смерти? К ней никто не готов. Или к вашим подозрениям в убийстве сестры? И что я, по-вашему, обязана сделать? С кем в этом случае договариваться? А отстаивать правоту вообще звучит... фантастикой из параллельного мира. Нет, вы как с другой планеты!

Есть характер, есть. Ларичев в некоторой степени удовлетворился, но не был уверен, что Вероника способна пустить в дело свой вредный нрав. Хотя если помочь ей разогреться, то все может быть...

Он остановил автомобиль у самого подъезда, а мисс Кручина и не думала выбираться из салона, она словно прилипла к сиденью намертво, мыслями улетев куда-то в космос.

Ларичев подался к ней корпусом, открыл дверцу – Вероника осталась безучастной и к тому, что товарищ следователь почти лег на нее, и к открытой дверце, навязчиво приглашавшей выйти вон.

На самом деле все она заметила, но ее обездвижило нежелание идти в квартиру погибшей сестры, мучиться страхами всю ночь, отгонять всякие кошмары. К тому же неизвестно, когда удастся лечь – еще очень много надо сделать к завтрашнему дню.

Если б товарищ рядом и посидеть согласился с ней пару часиков в квартире Зинки (можно и всю ночь, места хватит)...

– Гражданка Долгих, вы на месте, – сказал Ларичев, рассеяв мечты.

– Знаю, – промямлила Вероника. – Спасибо вам, без вас я бы завязла. А вы всем так помогаете?

– Нет, – протянул он. – Только красивым женщинам.

Циник, черствый, шантажист, еще и бабник.

– До свидания, – попрощалась Вероника, с неохотой выбираясь из салона авто, как старуха – тяжело и долго.

Он оставил мисс... пожалуй, она размазня. Кто ж еще! Стала перед подъездом, как грешница перед входом в ад, и дальше ни шагу не сделала. Нет-нет, эта размазня самостоятельно с места не сдвинется, надо что-то предпринять.

А мисс Размазня, попав в квартиру, подключила мобильник Зины к зарядному устройству, которое обнаружила во время поисков паспорта, и поставила чайник на плиту. Мучил голод. Вероника не ела целый день, поэтому, преодолевая отвращение, она изучила холодильник, выбрасывая в мусорное ведро пропавшие продукты. Кое-что сохранилось, например, рыбные консервы в количестве двух банок, а в морозилке курица. Предварительно распахнув окно, Вероника вынесла мусор, открыла сайру и ушла в комнату, чтоб от неприятных запахов не стошнило. Съела всю банку с сухариками, после этого решила: зарядки в мобильнике хватит на звонки. Первым стоял в списке контактов некий Абалкин.

– Здравствуйте, извините за беспокойство, – начала шаблонно Вероника. – Это сестра Зинаиды Долгих...

– Какого хрена тебе надо?

Вопрос прозвучал не только грубо, но и агрессивно, правда, сотовый телефон взял не мужчина, а женщина. Вероника, ничего не выясняя, поспешила сообщить:

– Зинаиду убили, завтра похороны, если вы имеете желание проститься...

– Не имею. Ах, боже мой, какая радость, сдохла твоя сестричка. Не своей смертью, говоришь? Так это неудивительно. Что ж, туда ей и дорога.

– Да как вы можете злорадствовать! – оскорбилась за сестру Вероника.

– Могу! Не смей мне звонить и напоминать о ней, ты такая же гнилушка, как твоя сестра!

Честно сказать, гудки обрадовали, ибо дальше разговаривать с припадочной бабой не имело смысла, но и звонить на следующий номер резко расхотелось.

В кухне частично выветрилась вонь. Вероника выпила несколько глотков горячего чая, выбирая наугад, кому позвонить. Заметила в списке контактов вместо имен или фамилий по две буквы, а в каком случае лично она оставила б только буквы? Если это очень близкие люди, достаточно инициалов, чтобы знать, кто звонит.

– Начнем с первого номера... ЛМ... – нажала Вероника вызов. – Алло, здравствуйте. Извините за беспокойство, я сестра Долгих Зинаиды...

– Зины?! – удивился женский голос. – У нее есть сестра?

– Есть. Меня зовут Вероника, а вас?

– Лайма. А что случилось, почему вы мне звоните?

– Зину убили, завтра похороны в четыре, вы придете?

– Я? – Лайма замялась, Веронике это не на шутку встревожило. – А куда?

– К дому Зины. Вы придете?

– Ну, да... Да, я приду, если отпустят с работы. До свидания.

Несложно догадаться: Лайма не загорелась желанием про-

водить знакомую – что все это значит? Вероника продолжила звонить, номера под буквами «СШ» и «МР» не ответили, зато после них отозвался мужчина по фамилии Краков, не дав ей слова сказать:

– У тебя, Зинуля, хватает наглости мне звонить? Ну, ты сильна, мать. Запомни, если попадешься мне на глаза со своей подружкой, я вас обеих живьем закопаю...

– Это не Зина, – перебила Вероника. – Я ее сестра... Зина погибла...

Гудки. И вдруг на Веронику накатило: она разревелась, не зная, как ей быть, ревела, размазывая ладонями по щекам слезы вместе с косметикой. Неужели предстоит закопать Зину, словно собаку, без людей, цветов, поминок? С поминками вообще труба! Не звонить же Ларичеву, дескать, вы не обо всем позаботились, будьте добры, заставьте прийти народ из телефонной трубки и придумайте, где и как будем поминать сестру, а также на какие шиши! Нет, у Вероники совесть не настолько заморожена, чтоб так обнаглеть, но нужен хотя бы совет. Она поплелась к соседке, которая дала адрес бюро ритуальных услуг, позвонила, а когда женщина открыла, вместо вразумительных слов еще пуще заревела.

– Господи, девушка... – всполошилась соседка. – Ну-ка, заходите! Идите на кухню, я только посмотрю, как там внук.

За то небольшое время, что хозяйка отсутствовала, Вероника с рыданий перешла на всхлипывания. Стоило той появиться, выпалила скороговоркой:

– Ради бога, простите меня... Я в дурацком положении... нет, хуже! И пришла... не знаю, зачем пришла... может, вы подскажете, что мне делать. Завтра Зину... а никто не хочет проводить ее... Я звоню им, а они грубят... Неужели Зина была такой плохой? Я не заказала кафе, потому что не знаю, сколько народу будет, да и будут ли вообще. Какое там кафе! Денег у меня почти не осталось...

– Тихо, тихо. – Присев, соседка взяла девушку за руку, ее доброе лицо выражало сочувствие, в тот момент это было необходимо Веронике. – Безвыходных положений не бывает, поверьте. Давай, детка, вместе подумаем, что-нибудь да придумаем.

Придумывала, исходя из данности, Клавдия Васильевна, и Вероника поняла, как мало она знает, а в такой сугубо житейской ситуации, которая рано или поздно касается каждого человека, оказалась полным нулем. Да, у нее особые обстоятельства – чужой город, нет знакомых и родных, денег едва хватило, но это слабое утешение. Где пресловутая сила воли? А мозги где она оставила? А знакомая жажда первенства, которая в быту преобразуется в умение управлять ситуацией? Что в результате? Вареное макаронное изделие, непригодное для жратвы. Так ведь сожрут, тот же Ларичев, если других кандидатов в тюрьму не появится, в общем, завтрашним днем мытарства не закончатся.

– Вероника, ты слышишь меня? – тронула ее за плечо озабоченная Клавдия Васильевна.

– Слышу, – уныло ответила она. – Просто я подумала, что суета не дает мне вникнуть в то, что произошло. Я не до конца верю в смерть Зины, хотя видела ее...

– Это долго продлится, – не утешила Клавдия Васильевна. – Потом еще и чувство вины появится, когда память вернет тебя к размолвкам с Зинаидой вплоть до мелких. Забудешь, что не только ты была не права в ссорах, но и твоя сестра. Тогда придет раскаяние, а это неправильно, потому что виноватых нет. Итак, делаем скромные поминки дома, без традиционного застолья с переменной блюд, а что-то типа фуршета. Я съезжу утром на рынок, там дешевле, куплю продукты и приготовлю нехитрые закуски.

По ее требованию Вероника принесла телефон сестры. Клавдия Васильевна сама решила звонить, а ее отправила отдыхать. Но Вероника из последних сил вымыла холодильник, понимая, что завтра на это не будет времени. И все. Рухнула на диван и, что называется, вырубилась. Если б призрак старшей сестры действительно явился, устроив в квартире тарарам, Вероника не проснулась бы.

Все кончено – эти слова застряли в висках с обеих сторон и сдавливали их, словно двойная мигрень. Мама умерла, когда Вероника была маленькой, в памяти осталось: размытое лицо, восстановленное по фотографиям, тонкие руки с длинными кистями, впалая грудь, к которой она прижимала трехлетнюю дочь, и запах полыни. Почему полыни? Мо-

жет, Вероника путала ее с валерьянкой, у мамы было слабое сердце. Потом ее заменила тетка, она и сейчас жива, перебралась в деревню к подруге, выгодно продав старый дом с участком на городской окраине и выделив двум племянницам по небольшой сумме. Надо бы навестить ее. Об отце ничего не известно, бросил и бросил. Короче говоря, Вероника не была знакома с болью, когда уходят близкие люди. Гроб опускали в яму, тогда-то из ее глаз и полились прощальные слезы, которых она стеснялась, потому что вокруг стояли абсолютно чужие люди.

А пришло... семь человек, семь! Пожилая пара, Лайма с молодым мужчиной по имени Георгий, не представившаяся девушка и двое молодых мужчин – один интеллигентного вида, второй... лучше с ним не встречаться в темном переулке. Вероника дополнительно расстроилась, но что есть, то есть: нелепо Зина жила, нелепо закончила, откуда же взяться длинной процессии на похоронах?

Садясь в машину, Георгий заметил:

– Негусто. При том образе жизни, что вела Зиночка, она вправе была рассчитывать, чтоб ее отпевала по крайней мере четверть города.

– Твоя ирония не к месту, – проворчала Лайма, пристегиваясь. – Каждый из нас может оказаться здесь, это грустно.

– Каждый и окажется, глупые раньше времени, умные в свой срок. А сестричка у Зинки хорошенькая... Она замужем?

– Откуда я знаю! Зина никогда о ней не рассказывала, я вчера сама впервые услышала ее, а сегодня увидела.

– Полагаю, не замужем. Иначе муж сегодня был бы с ней, обнимал за плечи и утешал бы. Нет, серьезно, она ничего... По-моему, Вероника совершенно другая, а какие у нее задорные ямочки на щеках...

Слышать комплименты от мужчины в адрес другой женщины, тем более когда этот мужчина настойчиво тащил в постель (без руки и сердца, не предлагая знакового кольца в подарок), все равно неприятно. Это намек: я сравниваю вас, сравнение не в твою пользу. Лайма про себя отметила гнильцу, которой раньше не замечала, впрочем, обычно в людях видишь желаемое, а не действительное. Она дала себе слово никогда к нему не обращаться с просьбами, но потом, позже, а сегодня другой случай, Лайма готова просить, унижаться, заискивать.

– Гошенька, миленький, ты узнал?

– О чем? – Мельком он взглянул на нее, а на лице – глазищи, как блюдца, с прописанной яркими красками в них надеждой. – А... Про мента и что означают его угрозы?

– И про Сашку. Она не звонит, на мои звонки ни разу не ответила, такое ощущение, будто потеряла трубку. Почему-то мент упомянул ее имя, почему?

– Забыл, прости. – Увидев, что Лайма обидчиво надула губы, заверил, но не очень активно: – Теперь не забуду, сегодня же разведу. Выходи, ты приехала.

– А ты не пойдешь?

– Не могу. Извинись перед Вероникой, скажи, я обязательно ее навещу... Кстати, выясни, сколько времени она здесь пробудет.

Опять намек, мол, я переключился на новый объект, поинтересней тебя, в сущности, ей глубоко безразлично, кого решил охмурять Георгий, лишь бы не ее. Лайма выскочила из авто, еще раз вскользь напомнив о просьбе, но Вероника с компанией еще не вернулась с кладбища, поэтому она устроилась на детской площадке и позвонила.

– Куда ты пропала? – оглушил повышенным тоном голос в трубке.

– Не кричи, пожалуйста, – пролепетала Лайма, чувствуя себя виноватой. – Я не могла, поверь. Тут столько всего случилось...

– И что же случилось? – не подобрел голос.

– Не по телефону. Завтра приеду, обещаю. Ты не сердисься?

– Сержусь. Я торчу в этой дыре безвылазно...

– Знаю, знаю, – перебила она. – Потерпи немного, я все...

Гудки оборвали ее фразу, но повторно Лайма не нажала на вызов, зная, что сделает хуже. Обхватив плечи руками, она опустила голову и смотрела в песочницу, где песка как такового не было, а росла травка, превратившаяся за лето в высохшие спицы. Придет весна, и сквозь умершую сухость пробьется новая, живая трава, а с человеком так не быва-

ет, он не возрождается, если уж умер, то навсегда. Лайма боялась смерти, это естественно. Страх умереть, присущий большинству, но отдаленный и чисто эмпирический, в ее сознании имел вполне реальное воплощение, возможно, из-за чрезмерной мнительности. Только кто бы точно сказал, где кончается мнительность, а начинается предчувствие? Кто определит границу между этими двумя понятиями? Не одно ли это и то же?

Во время скромных поминок еще один показатель смутил Веронику: мало говорили о Зине, мало было воспоминаний. Как же прожила она свою короткую жизнь, в частности те пять лет, что сестры не общались? Наверное, не этот несвоевременный вопрос должен был беспокоить Веронику, но он настойчиво лез в голову.

Благодарность Клавдии Васильевне и соседке, которая не открыла дверь, когда Вероника впервые пришла сюда, была велика. Растроганные женщины изъявили желание помочь убрать, но Даша (девушка, не представившаяся вначале) их выпроводила, убедив:

– Вы и так намаялись, идите отдыхать, я останусь и помогу.

Собственно, уборка предстояла небольшая, народу-то пришло... Веронике было стыдно вспоминать... но все закончилось, только внутри остался мутный осадок.

Даша, сдвинув рукава тонкой водолазки к локтям, с энту-

зиязмом мыла посуду, а подвыпившая Вероника носила на кухню тарелки, складывала в вымытый холодильник остатки еды, потом сидела, подперев скулы ладонями и наблюдая за девушкой. Ей всегда нравились энергичные, способные взять инициативу в свои руки люди.

– Ты давно знакома с Зиной? – поинтересовалась Вероника.

– Не сказала бы, – ответила Даша, продолжая мыть посуду. – Год мы изредка встречались в компаниях, но как такового взаимного интереса друг к другу не проявляли. А месяца три назад столкнулись в кафешке, я зашла туда перекусить, там была Зина. Мы разговорились, оказалось, у нас на многие вещи одинаковый взгляд.

– Жаль, – вздохнула Вероника.

– Почему?

– Потому что мы с сестрой не ладили из-за разности взглядов, значит, не поладим и с тобой, а ты мне нравишься.

– Ну... – усмехнулась приятельница Зины. – Одинаковое мироощущение – это не значит, что и люди идентичны. Вот смотри, мы все прекрасно распознаем, где добро, а где зло, так? Даже когда сами идем на подлый поступок, знаем, что это плохо. Но далеко не все решаются переступить порог и сделать кому-то плохо, я имею в виду проступок, а не мелкую пакость, хотя... начинается все с мелочей. Тем не менее надо иметь склонность к плохому.

– Ты меня запутала, из твоей латыни я ничего не поняла.

Да и не могла понять. От Вероники ускользали мысли Даши, как и свои собственные, потому что находилась она под грузом усталости, да и переживания ее доконали, к тому же выпила вина больше положенного. Она и опьянение – нонсенс, но докатилась.

– Я говорила о том, – подсаживаясь к ней за узкий кухонный стол, сказала Даша, – что при общности наших взглядов мы с Зиной абсолютно разные люди. То, что сделала б она, не сделала бы я, и наоборот, поняла?

– Кажется, д-да.

Вероника отвела взгляд в сторону окна, за которым притаилась темнота. Черная дыра и отражение на стекле – все, что она видела, эти же картины видят каждый вечер миллионы людей, но не всем они кажутся фатальными. Потому и собственное прозрачное отображение мерещилось ей картинкой из будущего, то есть то время, когда ее, Вероники, не будет, как нет Зины...

– Ты, кажется, собираешься замуж, где же твой жених? – наливая чай в чашки, поинтересовалась Даша. – Почему он не приехал?

– Откуда ты знаешь про моего жениха?

– Хм... ты сегодня сама обмолвилась... Не помнишь?

– Не помню, – пожимала плечами Вероника, копаясь в собственной памяти и признав, что в ней имеются пробелы, а до маразма вроде бы далеко.

– Ну и неважно. Где же он?

– Наверное, на Мальте. Отдыхает. Ой, не смотри на меня, как на больную. Знаю, с его стороны бросать меня в таком положении и ехать отдыхать... э-э... м-м... ну, да, некрасиво, но... Но! – Вероника подняла указательный палец, этот предупредительный жест больше относился к ней и только отчасти к Даше. – Я не хочу задумываться, насколько мне неприятен его поступок. А он неприятен!

– И мне было бы неприятно, – поддержала ее Даша.

– Все, все, все, не хочу говорить на эту тему, – замахала Вероника руками, однако сама же вернулась к Стасу, – вероятно, после Зины это была главная больная мозоль:

– Мой Стасик умница, очень интересный... внешне и вообще... как личность...

– Ты пьяна, – констатировала Даша.

– Ну и что? Подумаешь!.. Я про что говорила?

– Про Стасика. Какой он умница.

Вдруг Вероника, потеряв интерес к теме, обхватила голову руками и захлюпала носом, жалуясь новой знакомой:

– У меня сплошной завал. Этот урод – Ларичев, есть такой следователь, из железа сделанный, заманил меня сюда и выдрал подписку о невыезде, я у него запасной вариант. Он прекрасно понимает, что к смерти сестры я не имею отношения, но не выпускает меня из города. Что я здесь должна делать, на какие шиши жить?

– Хочешь, узнаю, что этот Ларичев думает на твой счет?

– А ты можешь?

– Ничего не обещаю, но у меня есть знакомая в милиции, правда, она рядовой сотрудник...

– Узнай, а? – Вероника даже слегка протрезвела. – Хоть примерно.

– Попытаюсь. А теперь давай я тебя уложу...

Даша взяла ее за плечи, помогая встать, и Вероника покорно пошла с ней в спальню, сонно бормоча:

– Не уходи. Переночуй здесь. Мне так не по себе... Знаешь, откуда-то берется ощущение, будто я в этой квартире не одна. Нет-нет, в ахинею типа призраков я не верю, но мне тут беспокойно... очень тревожно.

– Хорошо, не уйду.

Вероника улеглась, не раздеваясь, свернувшись калачиком, подложила ладони под щеку и закрыла глаза. Она привыкла самостоятельно решать свои проблемы, не жалуясь на судьбу и не требуя участия посторонних. Однако сейчас одиночество ее угнетало и пугало.

Последней перед сном мыслью бедняжки было: «Собаку завести, что ли? Здоровую, злющую, с клыками... Да где ж ее взять, готовенькую?»

Даша накрыла уснувшую Веронику одеялом, понаблюдав за ней и, удостоверившись, что та спит, спустилась вниз. Взявшись за телефон, в ту же минуту передумала звонить – поздно уже, к тому же нечем порадовать. Она отыскала плед, диванные подушки уложила друг на друга и легла, взяв старые женские журналы, имевшиеся в избытке. Очевидно, по-

койная Зина обожала сплетни, слезливые истории про любовь, моду и кроссворды...

Спала Даша чутко. Новое место и отсутствие комфортной постели как-то не располагают к крепкому сну. Под утро она услышала щелчок, вернее, проснулась до того, как щелкнуло в прихожей.

Приподнявшись на локте, Даша прислушалась, гадая, что могло так характерно щелкнуть – будто ключ провернулся в замке. Потом ей показалось, дверь кто-то тихонько притворил. А если не показалось? Кто пожаловал ни свет ни заря?

Даша откинула плед, спустила на пол ноги, замерла, лихорадочно припоминая, где оставила сумочку. Ага, брала телефон, потом кинула его назад в сумочку, значит, где-то тут... под рукой...

В прихожей загорелся свет, о чем свидетельствовали яркие и узенькие полоски по щелям. Дашу нельзя назвать трусихой, но, пардон, не в этой ситуации.

Ей точно известно, что в квартире никто, кроме Зинаиды, не жил, разве что сама покойница забыла какую-то вещь забрать в могилу и вернулась за ней. Но призракам электрический свет не нужен, они и без ключей обходятся по идее...

– Кто здесь?! – громко, с паникой в голосе, крикнула Даша, шаря руками по креслам в поисках сумки. А обстановка чужая, к тому же темно, одной страшновато. Но разве она одна? – Вероника! Вероника, иди сюда! У нас гости!

Даша нащупала сумочку, лихорадочно расстегнула «молнию», вытрясла из нее все, что там имелось, на стол.

В прихожей кто-то затопал...

– Вероника! – звала Даша, ощупывая предметы на столе, что-то попадало на пол.

– Верони...

– Что случилось? – появилась та. – Где же тут выключатель?

Громко захлопнулась входная дверь, а через минуту Даша включила первый попавшийся светильник, к счастью, в комнате их несколько, искать долго в темноте не пришлось.

– Ты чего? – щурясь, произнесла Вероника. Даже со сна и сослепу заметила бледный вид новой подруги.

– Здесь кто-то был... – полушепотом произнесла Даша.

– В квартире? Кто? Когда?

– Только что. Я слышала... и... и там свет горит...

Непроизвольно Вероника ахнула: в руках Даша держала пистолет и осторожно приближалась к двери, ведущей в прихожую... Она смелая. И очень современная.

6

Лайма спрыгнула на перрон, поежилась, передернув плечами. В электричке пригrelась и даже вздремнула, а на воздухе ее обдало утренней прохладой, влажной и типично осенней. Солнце поднялось к верхушкам деревьев, слепило глаза сквозь ветви и пожухлую листву, тем не менее от него шел только яркий свет, но не тепло. Лайма повесила большую сумку на плечо, вторую взяла в руку и энергично зашагала к деревне. Дорога от полустанка вела через лесок, весной здесь раздается птичье многоголосье, а сейчас скромно чирикали воробьи и летали вороны, как бы наблюдая за порядком на захваченной территории.

Лайма торопилась, да на каблуках по проселочной дороге не разгонишься, а без них вид не тот, самочувствие не то. Она из тех женщин, для которых порванный чулок – драма, сломанный ноготь – трагедия, внешнему виду Лайма придает огромное значение, не распускается даже дома, чтоб в привычку не вошло. Тем более перед НИМ появиться в кроссовках, сознательно укоротив свои стройные ухоженные ножки и рост, не рискнула бы. До деревень ходит автобус, только его можно прождать и полчаса, и час, а идти по лесу, вдыхая хвойно-лиственный аромат, сдобренный крепкой земляной отдушкой, наслаждаться покоем – от этого удовольствия отказываются болваны.

Периодически отдыхая, Лайма добралась до ограды бывшего дома отдыха с санаторным режимом под кодовым названием «база». Над въездом полукругом белела надпись «основа оща», что означало «Сосновая роща», просто отпали буквы, а приставить их некому. Ограда капитальная, но без ухода обветшала, за ней располагался парк, за ним – лес. По центральной аллее Лайма дошла до главного здания эпохи сталинизма, вот ему-то ничего не сделалось, стоит себе монументом с колоннами и балюстрадами, разве что штукатурка кое-где обвалилась. И внутри все тот же паркет, те же высокие потолки, большие окна, все целехонькое, лишь требует косметического ремонта. Умели раньше строить, умели.

Его комната была открыта, он не запирает дверь, и окно у него постоянно настежь, сюда воры-домушники не заглядывают, брать нечего. Лайма поставила сумки на стулья, сбросила куртку, подошла к окну и сладко потянулась, подняв руки над головой. Она успела и дикой красотой из окна полюбоваться, и сумки разобрать, и порядок навести, потом решила узнать, куда он подевался. Только Лайма решительно двинула к выходу, дверь распахнулась.

– Господи, где ты был? – обомлела она от его расхлябанного вида.

Мирон без суеты поставил удочку в угол, туда же на пол кинул сумку, после этого, поставив руки на пояс, хмуро ответил:

– На рыбалке.

– Ты любишь удить рыбу?

– Терпеть не могу. А чем еще здесь заняться?

С мелодраматичным стоном Лайма бросилась ему на шею, неистово целовала лицо, запустив пальцы в его соломенные волосы, успевшие за лето не только отрасти до плеч, но и выцвести. А Мирон так и стоял: руки на поясе, ноги широко поставлены, казалось, ему глубоко безразличны ее страстные, почти истеричные, поцелуи, что остудило Лайму, но чуть-чуть, она беспокойно заглянула в его лицо с тонкими чертами.

– Новости плохие? – спросил он, а не Лайма задала вопрос: мол, неужели ты не соскучился, не хочешь меня, как я хочу тебя?

– Мне... – Она сглотнула, подавляя бурление страстей внутри. – Мне не хотелось бы тебя расстраивать...

– Значит, плохие. Тогда не сейчас...

Внезапно Мирон рывком притянул ее, жадно впился губами в губы Лаймы, сжимая до боли и хруста костей. Одновременно он продвигался к кровати и при этом умудрялся стаскивать с нее одежду, отбрасывая куда попало то рукой, то ногой, если что-то падало на пол.

Соскучился, это радовало ее. И невозможно было предсказать, каким он будет сейчас – нежным и ласковым или в нем проснется животный инстинкт. Именно эти перепады, всегда неожиданные и диковатые, при всем при том искренние и непосредственные, доводили ее до исступления,

до полного освобождения от самой же себя. Только с ним она поняла, что значит очутиться между жизнью и смертью, когда смерть перестает страшить, а жизнь хочется остановить на сиюминутном моменте, потому что дальше снова начнется одна бессмыслица. Не бессмысленно лишь сегодня, сейчас, этот миг, она и он, ведь скоро все закончится. А сейчас есть...

* * *

И кто бы это уснул после ночного проникновения в квартиру? Конечно, девушки больше глаз не сомкнули, сидели на кухне, пили чай и гадали, кто открыл собственным ключом квартиру, затем бесславно бежал.

– Может, любовник? – предположила Даша. – Точно! Ко-му еще, например, ты дала бы ключ?

– Не знаю. – При всей логичности предположения Вероника отнеслась к нему недоверчиво. – Клавдия Васильевна про любовника ничего не говорила...

– И что? – фыркнула Даша. – А если твоя сестра и он по каким-то причинам таились? Он женат, к примеру! А его теть (или теща) занимает ответственный пост и при деньгах, сделает из зятя отбивную и скормит дворняжкам, если узнает.

– Неубедительно. Почему он под утро пришел, а не раньше?

– Ждал, когда жена крепко заснет, – хихикнула Даша, сама не принимая всерьез свое толкование. – Но раз он пришел и не таился, даже включил свет, то, выходит, о смерти Зинаиды не знал.

– Или знал, но был уверен, что в квартире никого нет. И потом! – вспомнила Вероника. – Клавдия Васильевна обзвонила всех, чего же он не пришел на кладбище? Полагаю, номер любовника Зина внесла бы в мобильник.

Ценная мысль, однако, не объясняющая, кто и зачем пытался проникнуть в квартиру. В подобных случаях что делают? Советуются с компетентными людьми, Вероника принесла на кухню сотовый телефон и углубилась в список контактов.

– Кому ты звонишь? – осведомилась Даша.

– Следователю. Я говорила тебе про него.

– Помню, помню. «Урод, сделанный из железа».

– Именно. Мы все равно не додумаемся, кто приходил, а для него информация будет полезна. Не берет трубку...

– Мало ли, по какой причине он не берет, а ты сразу раскисла. Позвонишь позже.

Вероника проголодалась. К счастью, вчерашние гости, если их можно так назвать, не все съели. На стол из холодильника перебрались закуски, оставшиеся после вчерашних поминок, Даша, потирая руки, оживилась:

– Как вовремя! А то одну воду хлебаем. Давай помогу нарезать...

Вероника отдала девушке сыр и колбасу, та сосредоточенно начала резать на тонкие ломтики... Неожиданно гадкая мысль гвоздем засела в голове: кто Даша – друг или враг? Вот так вдруг ударило и что хочешь с этим, то и делай. Впрочем, вдруг ничего не бывает, любая идея имеет базу.

Виной ночное явление, а в том, что оно было, Вероника не сомневалась, потому что, помимо света в прихожей, достаточно было взглянуть на новую знакомую и увидеть, как она напугана. Казалось бы, раз напугана, то не должна вызывать подозрений, а у Вероники, с ее-то богатейшей фантазией, они, наоборот, разрастались. Но самое удивительное, подозрения выстраивались логически – как раз ночной визитер и заставил задуматься: так ли все безобидно, если не считать подписки о невыезде? А почему не считать? Творятся пре-странные странности, начиная с этой идиотской подписки.

Вероника обвела глазами кухню, собственно, не интерьер ее привлек, она словно искала ответ на стенах: почему ее впустили жить в квартиру убитой сестры, тогда как законами запрещено хозяйничать до вступления в права наследования? Да, люди хозяйничают, но делают это втихаря, а тут ключ выдали без особых уговоров. Мало убеждает, будто Ларичев проникся, так сказать, жалостью к ее безденежью, эти товарищи никого не жалеют – всем известно.

Не найдя удобоваримого ответа, Вероника вновь переключилась на Дашу, единственную подругу убиенной сестры. Но это с ее слов Зинка и Даша были подругами, а кто

подтвердит?

– Что ты на меня так смотришь? – не поднимая глаз, спросила Даша. Интересно, как она увидела, что Вероника смотрит на нее? Внутри у Даши есть камера слежения?

– Любуюсь. – Вероника ни на секунду не задумалась, давая ответ, ибо частично говорила правду, ведь Даша действительно очень привлекательная. – Я же художник в некотором роде, меня, как художника, привлекает красота.

– Спасибо.

А не специально ли она убеждала Веронику в дружбе, планируя заночевать у нее? Вдруг ей нужно найти здесь нечто важное, как и ночному гостю... Да-да, ночной гость явился что-то забрать из квартиры. Если б он был любовником, как предположила Даша, то, услышав чужие женские голоса, не убежал бы. Он к кому пришел? К Зинке? А у Зинки подружки заночевали, испугались посторонних и неожиданных шорохов – разве так не бывает? Да пусть он женат сразу на двух телках – не ушел бы, к тому же остаток ночи обещал быть веселеньким, когда все выяснилось бы, но гость (или гостья, что тоже не исключено) убежал. А Даша! Даша готовилась встретить его с настоящей пушкой в руках. Неужели выстрелила бы в него?

– У тебя пистолет... – сказала Вероника, стараясь придать интонациям беспечную легкость. – Где ты его взяла?

– Пф! Купила, разумеется. Но после истории с твоей сестрой и сегодняшней ночи я, пожалуй, на улице с газовым пи-

столетом больше не выйду. Приобрету гранатомет, на худой конец автомат Калашникова.

Ах, пистолет газовый... Это же другое дело, Вероника тоже давно хотела приобрести нечто подобное для самообороны, да все как-то не получалось выкроить денег.

– И я бы не прочь автомат заиметь, – мечтательно произнесла она. – К сожалению, сейчас денег нет даже на пистолет. Но как только появятся...

– Готово, – улыбнулась Даша, смахивая крошки и обрезки со стола. – Не сиди сложа руки, тарелки ставь.

Приходит же всякая дурь в голову! Пистолет еще не повод подозревать человека черт-те в чем.

Выполнив просьбу, Вероника, пока новая подруга раскладывала еду на тарелках, позвонила Ларичеву, он не взял трубку – вот змей на лапах! Пришлось приступить к завтраку, который уже не казался желанным, у Вероники всегда так: неприятность или повышенная тревожность приводят к потере аппетита. Неприятностей хоть отбавляй, а почему тревога укоренилась? Вон в чем дело... Визитер действовал так уверенно и безбоязненно потому, что он точно знал: в квартире никого нет. Приходил чужой Зине человек, а это уже страшно.

Он устал. Затаив дыхание и боясь потревожить его состояние покоя, Лайма смотрела на безупречно выточенный профиль, на тени от сомкнутых ресниц и бледное лицо, похожее

на мраморное изваяние, в котором живет душа камня, но не человека. Мирон красив, как сказочный принц, правда, нрав у него кошмарный, но на то есть причины, эти причины и портят характер, а характер в свою очередь отравляет жизнь Лайме. В общем, получается своеобразная цепь дурных закономерностей, да только от них не уйти слабовольным людям. Он младше на целых шесть лет, Лайму часто охватывал ужас, что кто-то из женщин, моложе и красивей, может заменить ее. Для Лаймы это было бы смерти подобно.

Она думала, он заснул, но Мирон не спал:

– Давай свои новости, только без вступлений.

– Без? Хорошо. Зину убили. Зарезали ночью около дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.